

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXIV

Ростов
2019

С Покровки на Покровку

Глава из биографической книги
об Александре Андреевиче Титове

Я. Е. Смирнов

Настоящая публикация продолжает повествование об Александре Андреевиче Титове (1878–1961) – видном ученом-химике, общественном и политическом деятеле, ярком представителе послереволюционной русской эмиграции в Париже. Предшествующая глава из биографического очерка о нем в подготавливаемой книге «Ростов Великий и другие берега» рассказывает о его детских годах в родном ростовском доме¹. Глава «С Покровки на Покровку» посвящена гимназическим годам Александра Титова, когда он был учеником немецкого Петропавловского училища в Москве (1889–1898)². Перемещения юного Титова на протяжении всего этого времени с ростовской Покровки на Покровку московскую, и обратно, определяли уклад жизненных забот и интересов купеческого сына. Документальную основу очерка составляет его обширная переписка с отцом – знаменитым купцом и историком Андреем Александровичем Титовым (1844–1911). Раскрывая неизвестные страницы семейной истории, она также служит ценным архивным источником к реконструкции биографии последнего.

* * *

Мысль о том, что Саша непременно должен учиться в немецком училище, принадлежала во всем практическому и основательному Андрею Александровичу Титову. «Мой отец всегда говорил, что отдаст меня учиться “к немцам”, так как, по его мнению, и дисциплины у немцев было больше, чем в казенных гимназиях, и обучение иностранным языкам поставлено лучше»³. Прицел ростовского купца был дальновидным: уже более десяти лет в его доме жила и обучала детей немецкому языку гувернантка, выписанная из Германии через пастора московской Петропавловской

¹ См.: Смирнов Я. Е. Отчий дом. Глава из биографической книги об Александре Андреевиче Титове (к 140-летию со дня рождения) // Сообщения Ростовского музея (далее – СРМ). Ростов, 2018. Вып. 23. С. 234–254.

² Отдельные фрагменты данной главы были ранее опубликованы в музейной газете, см.: Смирнов Я. Е. С Покровки на Покровку // Ростовская старина / газета Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». 2016. № 7 (176). С. 1, 3.

³ Здесь и далее цитируется рукопись воспоминаний Ал. Ан. Титова, хранящаяся в отделе рукописей ГМЗРК (КП-38900/1–63).

евангелическо-лютеранской церкви, при которой это училище и существовало. Ко времени поступления Саши в немецкую школу здесь уже учился его старший кузен — Александр Вахромеев (сын ярославского купца-промышленника и городского головы), отданный сюда также «по совету» своего ростовского дяди, а позже к обоим Александрам присоединился еще один Вахромеев — Сергей.

Немецкое Петропавловское училище, имевшее гимназическое и коммерческое отделения, издавна славилось высоким уровнем преподавания и подготовки учащихся. В основанной еще в первой половине XIX века школе, по словам писателя А. М. Ремизова, «учились не только дети московских немцев, но и дети того тесного культурного купеческого круга, о котором Островский не имел никакого понятия»⁴. Припоминая малокультурных замоскворецких купцов из драм А. Н. Островского, известный писатель имел в виду, в противовес их «темному царству», довольно узкий и в то же время заметный слой московского просвещенного купечества, наиболее яркие представители которого из поколения в поколение тянулись к высшим образцам культуры, создавали бесценные коллекции, открывали музеи, театры, больницы, становились плотью от плоти отечественной научной и художественной элиты.

Сам Алексей Ремизов, лишь годом старше героя нашего повествования, был выходцем из этого круга столичных именитых купцов. Его родной дядя по материнской линии — знаменитый Николай Александрович Найденов (1834—1905) — крупнейший торгово-промышленный деятель, председатель правления Московского торгового банка и председатель Московского биржевого комитета прославился еще и как исследователь истории московского купечества и меценат-издатель. Н. А. Найденову, являвшемуся ближайшим сотрудником историка И. Е. Забелина, принадлежал «циклопический труд» описания всех московских церквей, а также подготовка капитального — девятитомного! — издания «Материалов для истории московского купечества» (М., 1883—1889).

Уже в Париже, в эмиграции, А. М. Ремизов вспоминал (как, однако, схожи судьбы многих из того поколения русских интеллигентов!) завораживавшую атмосферу в дядином доме, открывшуюся ему однажды в его московском детстве: «За ужином дверь в столовую поминутно отворялась и нам было слышно. Разговор шел о старинных московских церквях, всем видимых, и о таких, след которых терялся в летописях и писцовых книгах, о церквях “ушедших”. Говорили в несколько голосов. Старая Москва оживала в веках. [...] И потом, возбужденный, как сказкой, я вышептывал отдельные слова и имена из московского XVI века, перечислял улицы и церкви, канувшие, как Китеж [...]. И мне непременно захотелось узнать, кто был тот старик рассказчик, пробудивший

⁴ Ремизов А. М. Подстриженными глазами // Ремизов А. М. Взвихренная Русь. М., 1991. С. 59.

мою дремавшую память, — и мать мне сказала, что это большой приятель моего дяди Н. А. Найденова, историк Иван Егорыч Забелин»⁵.

А ведь сугубого «славянофила» Н. А. Найденова, с которым был знаком и состоял в переписке его ростовский коллега по собиранию русской старины — купец Ан. Ал. Титов⁶, «в жизнь вывела немецкая школа». Н. А. Найденов окончил московское Петропавловское немецкое училище и даже оставил о годах своего ученичества воспоминания⁷. «По-немецки» учились братья Н. А. Найденова и его сестра — Мария Александровна — мать А. М. Ремизова. О ней он писал: «Образование она получила хорошее, училась на немецкий лад в Петропавловской лютеранской школе, и в духовном развитии и устремлениях шла вровень с передовыми русскими женщинами своего времени»⁸. Крестный отец Алексея Ремизова, «Виктор Александрович Найденов, как и все его братья и сестры, окончив Петерпаульшуле, уехал в Англию и после пятилетней науки вернулся в Москву на Земляной вал “англичанином”»⁹. И были у него дома «в обиходе не филипповские и чуевские пирожные изобретения и не от француза Трамблэ, а сухое английское от Бертельса. А в его библиотеке не русские, а английских и немецких имен стена»¹⁰.

⁵ Там же. С. 100—101. Подробнее о Н. А. Найденове и его «археологической» деятельности см.: *Иванова Л. В.* «Издатель и писатель по старой Москве». Николай Александрович Найденов. 1834—1905 // Краеведы Москвы. (Историки и знатоки Москвы) / сост. Л. В. Иванова, С. О. Шмидт. М., 1995. С. 65—82.

⁶ Письма Н. А. Найденова к Ан. Ал. Титову см.: ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1260. В 1884 г. Н. А. Найденов, вдохновленный возрождением ростовских святых и созданием в 1883 г. Ростовского музея церковных древностей, выпустил в свет отдельный том исторических документов, посвященный Ростову Великому, см.: *Найденов Н. А.* Ростов. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1884. См. также рецензию Ан. Ал. Титова на историко-документальную публикацию, осуществленную Н. А. Найденовым: *Титов Ан. Ал.* Рец. на кн.: Кунгур. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / [изд. Н. А. Найденов]. М., 1886 // Московские ведомости. 1887. 21 янв. (№ 21). С. 6. На том же мемуаров Н. А. Найденова «Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном» (М., 1903), подаренном Ан. Ал. Титову и ныне хранящемся в библиотеке Ростовского музея-заповедника, имеется дарственная надпись автора: «Глубокоуважаемому Андрею Александровичу Титову от Н. Найденова».

⁷ См.: *Найденов Н. А.* Воспоминания о Московском Петропавловском евангелическо-лютеранском мужском училище из сороковых годов прошлого столетия. М., 1903 (книга, предназначенная для родственников и близких друзей, была напечатана в 98 экземплярах). См. также: *Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент В. А. Любартовича и Е. М. Юхименко. М., 1999. С. 334. Свои живые записки о Петропавловской школе в 1860-е годы оставил другой ее воспитанник — Владимир Дедлов, см.: *Дедлов В. Л.* Школьные воспоминания: (К истории нашего воспитания). СПб., 1902.

⁸ Цит. по: *Аверин Б. В., Данилова И. Ф.* Автобиографическая проза А. М. Ремизова // *Ремизов А. М.* Взвихренная Русь. С. 5.

⁹ *Ремизов А. М.* Подстриженными глазами. С. 159.

¹⁰ Там же.

В привилегированном, как считалось, Петропавловском училище обучались дети, преимущественно, средней и крупной российской буржуазии. Среди его питомцев, к примеру, был сын знаменитого «водочного короля» Петра Арсеньевича Смирнова (кстати, выходца из ярославских крестьян – тех самых «ярославских расторопных мужиков», известных своею сметливостью, упорством и трудолюбием на всю Россию, о ком еще Гоголь слагал восторженные оды¹¹) – Владимир Петрович Смирнов (1875–1934), которого сразу после окончания «Петри-Пауле шуле» отец направил в Китай, где он в Харбине и Шанхае создавал отделения смирновской фирмы¹². Одногодок Александра Вахромеева, Владимир Смирнов, вероятно, учился с ним в одном классе, а потому уже в те школьные годы вполне мог знать и с Александром Титовым. После большевистской революции В. П. Смирнов, как и Ал. Ан. Титов, оказался в эмиграции – сначала в Турции, Болгарии, Польше, а затем во Франции, и также оставил свои уникальные воспоминания, записанные в Ницце¹³.

В числе известных выпускников немецкого Петропавловского училища был крупный русский ученый – физик Петр Николаевич Лебедев (1866–1912), между прочим, также происходивший из купеческой семьи¹⁴. С ним, молодым приват-доцентом физико-математического факультета Московского университета встретится в 1897 году студент-первокурсник Александр Титов (и будет держать у Лебедева экзамен за первый курс), а затем, по возвращении из Германии в 1904 году, после успешной защиты докторской диссертации, станет его коллегой на факультете и в Физическом институте университета.

В тот учебный год, когда Саша Титов поступил в немецкое училище, его заканчивал другой приметный в российской истории деятель – Вацлав Воровский (1871–1923), избравший делом своей жизни революционную пропаганду. Его, пламенного сотрудника ленинской «Искры», публициста и литературного критика, сам «вождь мирового пролетариата» числил среди «главных писателей большевиков». Еще один не менее даровитый выпускник московского Петропавловского училища, Максим Штраух (1900–1974), – языком актерского искусства проводил ленинские идеи в жизнь. Один из первых исполнителей роли Ленина в кино, – по его работам

¹¹ О ярославских крестьянах-отходниках и связанной с ними «низовой» столичной культурой см. в кн.: *Смирнов Я. Е.* Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи. Ярославль: «Александр Рутман», 2002; *Он же.* Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи / 2-е изд., доп. СПб.: «Азбука», 2010; *Смирнов Я. Е., Ермолин Е. А.* Ярославский характер / 2-е изд., испр. и доп. Рыбинск, 2018.

¹² См.: *Смирнова К. В., Чиняева Г. В., Смирнов В. О., Гоголашвили М. И.* Водочный король Петр Арсеньевич Смирнов и его потомки. М., 1999. С. 85.

¹³ См.: *Смирнов В. П.* Русский характер. М., 2004.

¹⁴ См.: *Сердюков А. Р.* Петр Николаевич Лебедев. 1866–1912. М., 1978. С. 18; Москва: Энциклопедия / гл. ред. С. О. Шмидт. М., 1997. С. 629; *Романюк С.* Из истории московских переулков. М., 2000. С. 299.

в фильмах «Человек с ружьем», «Рассказы о Ленине», «Ленин в Польше» целые поколения советских людей воспитывались на коммунистическом мифе о «человечнейшем человеке». «Ну-те, ну-те, батенька!» — по-доброму, но с каким-то лукавым прищуром говаривал экранный Ильич. За эти талантливо и мастерски воплощенные «эпохальные» образы советское государство отблагодарило Максима Максимовича — выходца, заметим, из обрусевших московских немцев (его батюшка, Максим Августович Штраух, кстати, служил доктором в Петропавловском училище в то самое время, когда там учился Саша Титов), удостоив его звания народного артиста СССР.

Андрей Александрович Титов, отдавая сына на выучку «к немцам», опирался на традиции и опыт того слоя просвещенных столичных купцов-промышленников, с которым сам он постоянно находился в деловом, культурном и дружеском контакте. Поэтому еще задолго до поступления Саши в немецкое училище выбор этот был предопределен. Хорошее образование и знание языков, считал провинциальный купец, непременно должно способствовать развитию семейного бизнеса на качественно новом уровне, и на Сашу тут возлагались большие надежды. Возвращаясь в начале сентября с Нижегородской ярмарки не Волгой, как обычно, а через Москву, Андрей Александрович заехал к Саше в пансион, располагавшийся на Чистых прудах. О чем беседовали отец и его одиннадцатилетний сын, прогуливаясь переулками старинной Покровки, можно только гадать, но наверняка тогда в их разговоре присутствовала и тема будущего «титовского дела», а значит, и его — Сашиного будущего, во имя которого ему теперь приходилось жить и учиться вдали от семьи и родного ростовского дома. Отныне их встречи — в Москве ли, в Ростове ли — станут не столь частыми, но всегда обоюдно желанными. А их письма — порой не по одному за неделю! — явятся летописью личностного взросления гимназиста Александра Титова, происходившего на фоне постоянно менявшихся декораций ростово-московской жизни.

Уже с первых дней жизни в столице, по собственному последующему признанию Александра Андреевича в мемуарах, «интересы гимназии всецело завладели» им. Но даже при этом мальчик тосковал по Ростову и родному дому, и все время продолжал интересоваться и жить делами его многочисленных обитателей — родни и прислуги, своих ростовских друзей и знакомых. И всегда мечтал о новом возвращении на побывку домой — на праздники или каникулы. Как по-детски трогательно было вот это его — ученика второго класса московской гимназии — признание: «Мы все считаем, сколько дней осталось до отъезда. Теперь осталось ровно 3 мес[яца] — 91 день»¹⁵. А это письмо первоклассника Саши Титова к сестре Але, датированное 3 февраля 1890 года, было написано вскоре после возвращения в Москву из Ростова, где он провел свои первые рождественские каникулы. И вновь оно погружает нас в атмосферу

¹⁵ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1754. Л. 19 (письмо Ан. Ал. Титову от 22 сент. 1890 г.).

многолюдья титовского дома. Короткое письмо буквально пестрит именами из временно покинутой мальчиком ростовской жизни. Однако главное, чем оно неизбежно привлекает своего читателя, — это его тональность. Письмо пронизано душевной заботой о людях, глубоким чувством уважения не только к старшим или равным по возрасту членам семьи, но и ко всей домашней прислуге, даже почитанием ее, что в доме Ан. Ал. Титова детям прививалось с младых ногтей.

«Милая и дорогая моя! Извини меня, что не написал тебе еще ни одного письма, и также за то, что я оскорбил тебя, сказавши, что твои письма ничего не стоят. Это была только нечаянная вспышка с моей, а также и с твоей стороны, что ты, конечно, тоже сознаешь, и как я тебя знаю, как мою любимую сестричку, не будешь считать это за проповедь с моей стороны и не будешь надо мною смеяться. Мы уже дома помирились и теперь давай помиримся опять, но уже навсегда, и будем всегда друзьями, как и прежде, и будем стараться как можно чаще писать друг другу, а прошлое все позабудем. В этом письме я шлю тебе 4 иностранные марки, и ты их спрячь и не потеряй их. У меня много очень уроков, и я при всем своем желании не могу написать тебе большого письма. Мне задано начертить карту Африки, что я, наверно, проделаю очень долго, потому что делаю это еще в первый раз. Я слышал, что отец Николай (священник Чуфаровский. — Я. С.) у тебя не был; напиши мне, что с ним случилось. Передай также мое письмо Дуне. Если горничная Аннушка сегодня именинница, то поздравь ее от меня. Напиши мне также, когда будут именины Дуни и Ивана Михайловича. Поцелуй за меня мою крестницу (Сашенька, дочь Н. М. Кайдалова. — Я. С.), бабушек (Олимпиада и Елизавета Ивановны Титовы. — Я. С.) и Лизочку и поклонись от меня дяде Коле и дяде Саше (братья Кайдаловы, работавшие в магазине Ан. Ал. Титова. — Я. С.) и Лизавете Ивановне (Кайдалова, супруга Николая Михайловича. — Я. С.), а также всей нашей прислуге и Николаю Васильевичу Верховому (приятель Ан. Ал. Титова, краевед, издатель газет «Ярославский посредник» и «Ярославский вестник». — Я. С.). Где теперь Артынов? (Александр Яковлевич Артынов — крестьянин села Угодич краевед. — Я. С.) Много ли напротив нас стоит солдат? Много ли у тебя теперь уроков? Играешь ли как-нибудь? Я играю теперь с детьми в школу, но больше учусь, читаю и гуляю. Напиши мне, чем ты теперь занимаешься и где больше находишься. Ходишь ли гулять на Покровку? Я тоже каждый день хожу по Покровке в школу и из школы. Катаешься ли ты с мамой?

Напиши мне поскорее. Прощай, будь здорова, нянюшкам я напишу, и если не успею, то поцелуй их за меня. Я, может быть, напишу также Андрею (кучер Титовых. — Я. С.). Заочно целую тебя и поздравляю с наступающей масленицей и остаюсь любящий тебя и преданный тебе и от всего сердца желающий тебе всего лучшего брат твой А. Титов»¹⁶.

Путешествия с Покровки-московской на Покровку-ростовскую оставляли самые яркие впечатления в жизни петропавловского гимназиста.

¹⁶ Там же. Д. 2389. Л. 1—2 об. (письмо от 3 февр. 1890 г.).

«Какое блаженство было очутиться в домашней обстановке и с перспективой всяких удовольствий и праздников», — много лет спустя, словно вновь ощущая вкус домашних рождественских пирогов или масленичных блинов, щедро сдобренных икрой или густой сметаной, восклицал мемуарист. Титовские кухарки были замечательны в своем кулинарном умении. Порой и Мина Христиановна, раскрыв однажды свой талант на хозяйской кухне, с удовольствием баловала домочадцев, выпекая по своим саксонским рецептам вкуснейший сдобный хлеб. Приезды детей на Рождество, масленицу, Пасху и на лето становились событием, к которому готовились все — и сами домашние, включая, конечно же, прислугу, и устремлявшиеся в родное гнездо «мученики науки» — Саша и его сестры. «Отец очень радовался моему приезду, — с нежностью вспоминал бывшее Александр Андреевич, — и обычно брал меня с собой — и в магазин, и в разные визиты по городу, и в церковь, и на прогулки, которые совершались и пешком (в сопровождении собак), и верхом».

Приезжая домой после очередных переводных экзаменов, обычно происходивших в мае, Саша с головой окунался в раздольное ростовское лето. Дни проходили в привычных детских играх и забавах, в которых принимали участие его любимые сестры и покровская уличная ребятня. Днем время проводили в домашнем красивейшем саду, благоухавшем ароматами всевозможных цветов, или бегали купаться на озеро, к расположенному по соседству Спасо-Яковлевскому монастырю, а под вечер в сопровождении взрослых отправлялись «на бульвары» и в городской сад, где звучала музыка и зажигались фейерверки. Обладая неумемной «естественной живостью характера», Саша находил время на многое: и на веселые прогулки, и на чтение серьезных книг. В особенности его манили еще не прочитанные свежие номера исторического журнала в отцовом кабинете, поглощение которых, однако, требовало известной усидчивости и сосредоточения. Сашина увлеченность и интерес к открытию всего нового играли здесь решающую роль, и он на время забывал об улице. Прожив жизнью главного героя очередного приключенческого романа, мальчик вновь становился обычным ребенком, и уже сам искал приключений в окружавшей его действительности.

Сашина «чрезмерная резвость» порой могла сослужить ему недобрую услугу. Его мать, почти всегда занятая только собой, панически боялась каких бы то ни было волнений, а тем паче тех неудобств, которые ей мог причинить ее действительно подвижный и бойкий сынишка. Собираясь летом 1890 года на Кавказ, она поначалу подумывала взять с собой и Сашу, в ту пору выпускника первого класса гимназии. О своем намерении она сообщила Андрею Александровичу из Москвы в Ростов: «Вчера была у Кожевникова (Алексей Яковлевич (1836–1902) — светило отечественной невропатологии и психиатрии, автор первого русского учебника по невропатологии, основатель Общества невропатологов и психиатров Москвы, созданного, кстати, в том же 1890 г. — Я. С.), он сказал, что необходимо ехать

на Кавказ, чтобы прожить месяц в Эссентуках, брать ванны серно-щелочные и делать втирание, так как я не могу больше принимать йод, у меня делается рвота. После Эссентуков он советует пожить в Железноводске 3 недели, брать калмыцкие ванны, и чтобы ехать в конце мая непременно, как только можно будет ехать Саше. Только вот теперь вопрос, кого взять из прислуги для Александра. Я бы взяла няньку Прасковью, да не знаю, поедет ли она. Только ты, пожалуйста, строго прикажи Саше вести себя хорошо в дороге и на Кавказе, а то ведь он меня там измучает, он последнее время так дурно себя вел у Бальзона, что его хотели высечь, мне об этом казусе говорила Граня, он, пожалуй, дорогой с своей чрезмерной резвостью очутится под вагонами. Как жаль, что ты не поедешь на Кавказ»¹⁷. Повидать юному Александру Титову кавказские горы тогда так и не пришлось. Он был оставлен на лето в Ростове, а сопровождать Надежду Александровну в путешествии выпало ее 17-летней дочери – Валентине.

И все же Надежда Александровна по-матерински нередко переживала за своего, как ей казалось, излишне бедового сына. Отбыв летом 1891 года в очередное путешествие на Кавказ, она слала мужу беспрестанные наказания: «Саша мне писал, что ему Покровский разрешил кататься на лодке, я побаиваюсь, как бы он не свернулся со своей неуместной смелостью, ты ему не позволяй ездить без Мины Крестьяновны»¹⁸. И в другом письме: «Поцелуй детей, когда уедешь в Нижний, так скажи Саше, чтобы он один не ездил верхом»¹⁹.

За короткое время летнего свидания с отцом, до его отъезда на Нижегородскую ярмарку, Саша торопился сполна насладиться общением с ним. Мальчик, когда отец был дома и не был занят своими учеными штудиями, практически не отходил от него ни на шаг. Они обожали быть вместе, бесконечно о чем-то серьезно толкуя или вдруг заливаясь счастливым смехом, вызванным какой-нибудь новой отцовской знаменитой шуткой. Андрей Александрович вообще любил побалагурить и пошутить, а то и иронично подтрунить над сыном или самим собой. А когда отец усаживался за письменный стол, и все вокруг таинственно замирало, то Саша тоже мог устроиться здесь же, в укромном уголке его большого кабинета, сплошь обставленного стеллажами с книгами и древними рукописями в красивых кожаных переплетах, и на время погрузиться в чтение своих любимых исторических романов. Андрей Александрович и сам испытывал немалую гордость за своего весьма способного и талантливого сына-гим-

¹⁷ Там же. Д. 1790. Л. 3–3 об. (письмо от 11 мая 1890 г.). О присущих Саше неумеренной подвижности и бесстрашии свидетельствует и письмо его сестры Глафиры к отцу, относящееся к 1 августа 1890 г.: «Александр Андреевич только сейчас изволили доставить нам случай поразиться его прославленной ловкостью в деле “лазанья по верхам”. Они в мгновение ока очутились на крыше над крыльцом, ведущим в подвал, и достали письмо, вылетевшее из окна тетиной комнаты» (Там же. Д. 874. Л. 2).

¹⁸ Там же. Д. 1791. Л. 11 об. (письмо от 29 мая 1891 г.).

¹⁹ Там же. Л. 23 (письмо от 5 июля 1891 г. из Пятигорска).

назиста, и всегда его брал с собой «в разные визиты». Ему, конечно же, непременно хотелось продемонстрировать своим ростовским приятелям приехавшего на каникулы сына — его подраставшую достойную смену. Эти деловые «визитации» в фамильный магазин или в прочие городские присутствия являлись и фактором взросления юного Саши, ведь он становился невольным свидетелем обсуждения многих коммерческих и общественных вопросов, в разрешении которых участие Титова-старшего было неоспоримо весомо.

Ал. Ан. Титов вспоминал, что его выходы с отцом в город частенько сопровождалась дружной стайкой верных титовских собак. Жизнелюбивый Андрей Александрович любил животных, и это чувство передавалось его детям. Помимо разномастной домашней живности, наполнявшей его обширное хозяйство, — лошадей, коров, свиней, петухов и кур всех сортов, во дворе дома на Покровке приют находили даже и вовсе уж бесполезные вороны. О том примечательное свидетельство оставил добрый знакомец и многолетний корреспондент Ан. Ал. Титова — генерал А. В. Жиркевич: «Гуляя по своему парку (внутренний двор и сад дома Титовых многим напоминал настоящий парк. — Я. С.), он прикармливал ворон, приучив их, в часы его прогулок, ходить за ним по пятам. Едва Титов уходил из сада, улетали и вороны. Для бездомных уличных собак у него тоже имелось угощение»²⁰.

Собаки в доме Титова жили всегда, а имена некоторых из них — Гектора, Тузика и Жако — Александр Андреевич увековечил в своих французских мемуарах. Об этих героях постоянных семейных историй мы также узнаем из переписки детей с отцом. В то лето (1890 г.) Андрей Александрович вновь подобрал где-то и принес в дом маленького щенка, прозванного детьми Кутькой. После отъезда отца на ярмарку Саша посылал ему регулярные отчеты о своем новом любимце, сообщая подробности и о других четвероногих друзьях: «Кутька у нас вырос и стал такой толстый, что тяжело поднимать. Он спит на кухонном крыльце, и если кто-нибудь придет ночью, то он непременно залает. Он очень хорошо играет с мопсом. [...] Я повесил ваши бубенчики на Бухтея и Жако, а Бухтеев маленький на Кутьку. Теперь осталось еще три бубенчика. Когда Кутька еще немного вырастет, то можно будет привязать ему один». В конце Сашиного письма имеется приписка его младшей сестренки Али, также обращавшейся к своему отцу: «Как Вы поживаете? Скоро приедете? Я сгораю с нетерпением поскорее Вас увидеть и Вас поцеловать. Кутька очень вырос и подурнел, очень шалит, так что все на него жалуются, т.к. вчера оторвал целый клочок обоев в беседке»²¹. Приученный к порядку взгляд девочки не оставил без внимания пострадавшую от проказ собачонки садовую беседку — ту самую «дачу», которую еще недавно маленькие Саша и Аля в своих играх «ходили нанимать».

²⁰ Симбирский дневник генерала А. В. Жиркевича. 1915–1922 гг. / публ. Н. Жиркевич-Подлесских // Волга (Саратов). 1992. № 11–12. С. 137.

²¹ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1754. Л. 15–16 (письмо от 5 авг. 1890 г. из Ростова на Нижегородскую ярмарку).

Не трудно было бы представить и реакцию Надежды Александровны на неожиданное появление в ее доме столь озорного четвероногого проказника. Впрочем, прослышав на отдыхе о новоявленном Кутьке, она не замедлила осыпать Андрея Александровича немалой порцией «грома и молний»: «Я весьма недовольна, что ты взял еще пса, опять я буду расстраиваться, как она будет пакостить в комнатах, я ведь буду гонять вон. Неужели мало одного мопса? Скоро вы разведете псарню!»²².

До той поры, пока Ан. Ал. Титов не приобрел в 1893 году собственное имение Петровское, располагавшееся в трех десятках верст от Ростова, Титовы летние месяцы регулярно проводили в Исадах — на даче у своих родственников Вахромеевых. Точнее сказать, это была водяная мукомольная мельница на речке Устье, находившаяся возле старинного подростовного села Семибратово (а ныне — в его черте), которой в 1876 году обзавелся брат Н. А. Титовой — Иван Александрович Вахромеев (спустя два года он вместе с Александрой Александровной Гейденрейх, родной сестрой Ан. Ал. Титова, станет крестным новорожденного Саша Титова). На базе уже существовавшей старинной мельницы купец Вахромеев обустроил свое мощное мукомольное производство, с подведенной от станции Семибратово (Москово-Ярославской железной дороги) железнодорожной веткой для вагонов с зерном и вывоза готовой продукции. Оснащенная в 1879 году австрийским инженером Немелькой Исадская мельница, по словам Ан. Ал. Титова, представляла собой «последнее слово науки в этой отрасли»²³. Рядом с мельницей И. А. Вахромеев выстроил большой деревянный усадебный дом, а вокруг него разбил обширный парк. Вахромеевы приезжали из Ярославля в Исады всей семьей, и также устраивались здесь на все лето. Надежда Александровна особенно любила бывать на даче своего брата, где дети Вахромеевых и Титовых отдыхали вместе.

Что собою представляли Исады, в особенности глазами маленьких дачников, дают представление воспоминания внука И. А. Вахромеева — Варфоломея Александровича Вахромеева (1904—1984). В советское время он стал известным музыковедом, автором учебника сольфеджио и книг по теории музыки. Варфоломей, сын Александра Ивановича Вахромеева (двоюродного брата Ал. Ан. Титова, о котором он повествует в своих французских мемуарах, вспоминая время учебы в Петропавловском училище), родился в начале XX века, и его воспоминания о детских годах относятся к этому времени. Впрочем, думается, не многое изменилось во внешнем облике усадебной жизни Исад с тех самых пор, когда оба Александра — Вахромеев и Титов, — уезжая из Москвы на каникулы, вновь встречались у ростовской живописной речной излучины для веселого и подвижного времяпровождения.

²² Там же. Д. 1790. Л. 20 об.—21 об. (письмо от 5 авг. 1890 г. из Ессентуков на Нижегородскую ярмарку).

²³ *Титов Ан. Ал.* Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археографическое и статистическое описание. М., 1885. С. 291.

«Лето вся наша семья ежегодно проводила в Исадах. Как только у старших кончались переводные экзамены, — начинались веселые сборы на дачу. [...] Нам, разумеется, нужны были простор для игр, лес для прогулок, река для купания, рыбной ловли! Этим мы, в общем, и занимались в Исадах, когда собирались там все вместе. Впрочем, каждый старался заняться своим любимым развлечением: кто-то игрой в крокет, кто-то рыбной ловлей...

Кроме того, на территории парка была устроена гимнастическая площадка. На ней находился столб для “гигантских шагов”, большие качели, а на отдельной опоре были подвешены кольца, турник, веревочная лестница и качели для маленьких. В глубине парка находился кегельбан. Игрой в кегли занимались главным образом старшие и взрослые.

Купальня и лодочная пристань находились на территории мельницы. Они располагались выше мельничной плотины. Потому с этой стороны можно было плыть по реке лишь вверх по течению. Для нижнего же течения реки (то есть, ниже плотины) лодки находились около дачи. К мостику с лодками вела тропка непосредственно из сада через калитку. Там же было устроено место для рыбной ловли в виде широкого настила на сваях с высокими глухими перилами.

В течение лета совершались и более отдаленные прогулки на лошадях, обычно, в лес “с чаем”²⁴.

Нередко в Исады навевывались различные «высокопоставленные» гости, приезжавшие сюда для деловых переговоров или просто на отдых по приглашению хозяев дачи. Так, Варфоломей Александрович вспоминал, как летом 1912 года в Исады из Ярославля прибыл специальный вагон, прицепленный к пассажирскому поезду «Ярославль—Москва», в котором находились ярославский губернатор граф Д. Н. Татищев, архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон, викарные епископы Рыбинский Селивестр и Угличский Иосиф. О своих детских впечатлениях от той встречи на семейной даче с будущим патриархом Тихоном (Белавиным), бывшим в 1907—1913 годах наместником Ярославской епархии²⁵, Варфоломей Александрович писал: «На другой день утром

²⁴ Вахромеев В. А. Семейная хроника (история нашей семьи в воспоминаниях и документах): [На правах рукописи]. Москва—Царицыно—Клязьма, [без года]. С. 17—18. Что стало с бывшим имением Вахромеевых в советское время, видно из следующего описания начала 1960-х гг.: «С образованием рабочего поселка Семибратово деревня Исады вошла в его состав под названием Исадской улицы. Из маленькой захолустной деревушки при Советской власти вырос большой промышленный поселок. Теперь в бывшем «доме-даче» Вахромеева живут рабочие и инженерно-технические работники термоизоляционного завода. Парк около дома разросся и служит прекрасным местом отдыха трудящихся» (Сергеев П. А. Исадские мельницы // Краеведческие записки. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 193). В мае 2014 г. памятник культуры «Дача Вахромеева» был уничтожен пожаром.

²⁵ См.: Козляков В. Н. Патриарх Тихон в Ярославле // Золотое кольцо (Ярославль). 1991. 12 февр. (№ 28). С. 11; Борисов Н. С. Святитель Тихон во главе Ярославской епархии // Журнал Московской патриархии. 2005. № 6. С. 75—79.

я бегу по саду по направлению к дому [...], а навстречу идет владыка Тихон. Мы подошли поздороваться. Владыка увидел, что мой ремень, которым я был подпоясан, болтается на одной пряжке. Он заправил конец его в петлицу, погладил меня по голове и очень приветливо что-то мне сказал. Не помню его слов, но случай этот так запечатлелся в памяти, что я даже сейчас отчетливо помню то место в саду, где это произошло. Разумеется, что в этом факте ничего особенного не заключалось, но запомнился он мне как чистое субъективное впечатление, которое иногда с детских лет проносится человеком через всю жизнь»²⁶.

Через полтора года после описанного события, 12 января 1914 года, ростовское духовенство и общественность будут прощаться с архиепископом Тихоном, переведенным на новую – Литовскую и Виленскую архиерейскую кафедру. На торжественных проводах в Ростовском кремле, отличавшихся особой «теплотой и искренностью», как об этом говорилось в газетной публикации, проникновенную речь о всеми любимом владыке произнесет доктор философии Александр Андреевич Титов...²⁷

А куда в своем детстве Саша сам частенько бывал в Исадах, и об этих своих поездках рассказывал отцу в письмах. Его корреспонденции из Ростова на Нижегородскую ярмарку, помимо домашних новостей, полны сообщениями о всевозможных ростовских событиях и происшествиях, о текущих делах в семейном магазине. Юный «купец» порой держал верный отчет: «После обедни я был в магазине. Торговали сегодня хорошо»²⁸. Иногда в письмах Саши проскальзывают сведения о каких-либо удивительных фактах, потрясших его детское воображение, и оттого вызвавших неподдельный интерес мальчика. Эти факты, к примеру, касались истории семьи Титовых или их ближайшей родни. Вот одно такое письмо, датированное 31 июля 1891 года:

«Милый и дорогой папа! Целую тебя крепко и благодарю за поклон. Мы, слава Богу, все здоровы и тебе желаем того же. На даче у Вахромеевых мы прогостили 1 неделю, а теперь там гостят Валя и Варя, но сегодня они явятся. Мопс везде тебя ищет и каждый день бегаёт за тобой в магазин. Погода у нас плохая, каждый день идет дождь и очень холодно. Верхом мы без тебя еще не ездили. Я все жду Шуры (двоюродный брат Саши Титова – Александр Гейденрейх. – Я. С.), но он что-то засиделся на Кавказе. Вчера мы были у бабы Любы (Любовь Ивановна Кайдалова. – Я. С.); у ней есть зеркало, которое отец ее мужа (имеются в виду Михаил Матвеевич и его сын Михаил Михайлович Кайдаловы. – Я. С.) подарил на помолвке своей невесте (Евдокия Ивановна, урожд. Шадрина. – Я. С.) 1808 года.

Нашего Андрея (кучер Титовых. – Я. С.) 8-го сентября возьмут в солдаты. Как-то ты поторговываешь? Недавно в Новоселке сгорело шесть

²⁶ Вахромеев В. А. Семейная хроника... С. 19.

²⁷ См.: Прощание с архиепископом Тихоном // Голос (Ярославль). 1914. 15 (28) янв. (№ 11). С. 3–4.

²⁸ См.: ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1754. Л. 45 об. (письмо от 29 авг. 1892 г.).

домов. Пожар был так силен, что все подумали, что горит у нашего дома, и наши очень испугались. Желая тебе хорошо торговать, не скучать и быть здоровым. Мина Христиановна тебе кланяется. В Москву я поеду 16-го. Может быть до того времени еще увидимся. Прощай. Остаюсь любящий тебя сын твой А. Титов»²⁹.

Обычно уже в середине августа Саша покидал Ростов, отправляясь к месту учебы в Москву. Лишь в 1892 году из-за разразившейся во многих губерниях эпидемии холеры начало занятий в учебных заведениях было официально отложено на месяц. Явилось тревожное время и для членов семьи Титовых, застигнутых страшной эпидемией в разных городах России, и Саша из Ростова успокаивал отца: «Насчет ягод можешь быть спокоен, мы никаких не едим. Молоко я пью кипяченое, и то немного»³⁰. Андрей Александрович не понаслышке знал, что такое холера (ведь это именно из-за нее он так рано лишился собственного отца), сам тогда бесстрашно борющийся со смертоносной заразой, во всю бушевавшей в Нижнем. Когда беда окончательно миновала, нижегородский губернатор Н. М. Баранов докладывал императору Александру III «по поводу голода, холеры и ярмарки»: «Председатель городской санитарной комиссии Гацисский и заведующий санитарным хозяйством ярмарки Титов трудились безвозмездно и так, как нельзя работать за деньги. Титов трудился два месяца, т.е. ярмарочное время [...]»³¹. Находившаяся в то время «на водах» Надежда Александровна писала из Железноводска мужу: «Сегодня получила от Сашеньки, Валентины и сыночка [письмо], он меня страшно обрадовал, что ученье начнется 15-тое сентября»³².

Но нет, как говорится, худа без добра. В том августе Саша впервые за последние годы смог отпраздновать свой день рождения в уютной домашней обстановке – в кругу родных и близких ему людей. Его поздравить всей семьей заехали и Вахромеевы, следовавшие через Ростов на богомолье к Иисусову Кресту – чудотворной святыне в храме Никольского погоста Ростовского уезда. И в Москве, в гимназические годы, эта тесная связь младшего Титова с его ярославскими родственниками также никогда не прерывалась. Когда «дядя Ваня» и «тетя Лиза» приезжали в столицу, то вместе со своими детьми, Александром и Сергеем, забирали из пансиона и Сашу, отправляясь все вместе в театры, музеи или просто на прогулку по городу. «Сегодня я получила письмо от Елизаветы Семеновны, – однажды сообщила Надежда Александровна своему мужу, – она пишет, что наш сынок в воскресенье обедал с ними в “Славянском Базаре” и пожелал видеть русскую залу»³³. Очевидно, что подобное осознанное желание мальчика

²⁹ Там же. Л. 25–26 об.

³⁰ Там же. Л. 44 (письмо от 31 июля 1892 г.).

³¹ Там же. Д. 2031. Л. 28 (из письма С. Н. Шубинского к Ан. Ал. Титову от 1 дек. 1892 г.).

³² Там же. Д. 1782. Л. 50 (письмо от 9 авг. 1892 г.).

³³ Там же. Д. 1790. Л. 27–27 об. (письмо от 22 авг. 1890 г.).

явилось следствием воспринятых от своего отца, и также от «дяди Вани» Вахромеева — известного знатока и собирателя русских древностей — «уроков» родной старины³⁴.

Еще чаще Саша и его сестры, Валентина и Александра, учившиеся в московской Мариинской гимназии, виделись с проживавшей в Москве дочерью Вахромеевых — Марией Ивановной, бывшей замужем за Павлом Григорьевичем Курловым (1860—1923). Будущему «многоизвестному» генералу, минскому губернатору и главному жандарму России в предреволюционную эпоху самозабвенно будет благоволить император Николай II. Впрочем, любитель красивой жизни и денег Курлов всегда разумел, что государева служба есть «только фундамент для пользования дарами» окружавшего его мироздания. Об этом классическом браке по расчету напишет потом в «Августе Четырнадцатого» А. И. Солженицын: «Эту двойственность бытия Курлов понимал еще в ранние свои годы, потому не без разумного выбора женился на дочери фабриканта с богатым приданым. И вот теперь он мог разрешить себе больше, чем многие успешливые в службе генералы, он получил нравственную возможность из европейской дали, из Парижа, из Ниццы, со скорбью наблюдать за возможной гибелью

³⁴ Как и Ан. Ал. Титов, И. А. Вахромеев являлся увлеченным коллекционером-библиофилом. Ему принадлежало богатейшее собрание рукописей, ныне хранящееся в Государственном историческом музее в Москве. Знаток ярославских древностей И. А. Тихомиров после смерти владельца этой замечательной коллекции констатировал: «Рукописное собрание Вахромеева пользуется большою известностью, и не без основания: в нем есть действительно замечательные и редкие рукописи как сами по себе, так и по тем рисункам, миниатюрам, которые украшают некоторые из них и дают весьма любопытные бытовые черты древней русской жизни» (*Тихомиров И. А.* Граждане Ярославля. Из записок ярославского старожила / вступ. статья и коммент. Я. Е. Смирнова. Ярославль, 1998. С. 102). Собирать свою коллекцию И. А. Вахромеев начал в конце 1870-х гг. по инициативе Ан. Ал. Титова, последнему же принадлежит заслуга составления археографического описания вахромеевского собрания, изданного в 6-ти томах — «Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Императорского Русского археологического общества И. А. Вахромееву» (М.: Сергиев Посад, 1888—1907; подробнее об этой коллекции и влиянии Ан. Ал. Титова на «археологические» интересы И. А. Вахромеева см.: *Смирнов Я. Е.* Андрей Александрович Титов (1844—1911). С. 53—55; *Он же.* Вахромеевы и Титовы: родственный союз и драма противостояния // Вахромеевские чтения: Сборник материалов научной конференции (Ярославль, 7 декабря 2006 г.) / под ред. В. М. Марасановой. Ярославль, 2007. С. 36—62). Многие исторические труды Ан. Ал. Титова были изданы на средства И. А. Вахромеева. Старшая дочь Ан. Ал. Титова — Глафира Андреевна Кегель — составила каталог редких книг на иностранных языках, находившихся в библиотеке И. А. Вахромеева (см.: *Кегель Г. А.* Предметный перечень книг на языках: греческом, латинском, польском, чешском, французском, немецком, английском и итальянском в ярославской библиотеке Ивана Александровича Вахромеева (966 книг) / сост. его племянницей Г. А. Кегель (ур. Титовой). Сергиев Посад, 1895). На пожертвования И. А. Вахромеева была отреставрирована ярославская Ильинская церковь XVII в., им же составлен альбом об этом знаменитейшем храме, см.: *Вахромеев И. А.* Церковь во имя святого и славного пророка Божия Илии в г. Ярославле. Ярославль, 1906. Таков далеко не полный перечень заслуг И. А. Вахромеева в деле собирания и сохранения старины.

императорской России, одновременно телесно вкушая блага мира. Даже если бы рушилось все — он, при скромной жизни, мог бы еще много лет прожить здесь»³⁵. А тогда, в начале 1890-х годов, в бытность слушателем Военно-юридической академии, Павел Григорьевич и его супруга Мария Ивановна играли роль гостеприимной Сашиной родни, принимая его в субботу-воскресенье, с ночевкой, на сытные домашние харчи.

С первого дня своей «самостоятельной» жизни в Москве Саша поселился в частном пансионе Павла Ивановича Бальзона — учителя начальных классов Петропавловского училища. Это был латыш «с громадной рыжей бородой», из-за чего его вид маленьким гимназистам казался слишком «внушительным». Своего пансиона при училище к тому времени уже не существовало, и родители решили отдать сына в семейный, в котором в разное время проживали одновременно до пяти пансионеров — учеников «покровских» гимназий. Вместе с Сашей тут жили двое Вахромеевых, а затем появились и братья Малоземовы — Николай и Алексей — дети Ф. А. Малоземова, компаньона Ан. Ал. Титова по Торговому дому «Титов и Малоземов».

П. И. Бальзон практически каждый год менял место жительства, всякий раз нанимая новую квартиру, но все они неизменно оставались в округе Покровки и Чистых прудов — Добрая слободка, Лялин и Дурасовский переулки. Отсюда рукой было подать до Петроверигского «кривоколена» и находившегося здесь немецкого училища. В этом красивейшем старинном районе Москвы проходили отроческие годы Александра Андреевича Титова, так живо описанные в его мемуарах. Не остались в стороне от внимания мемуариста и его весьма сложные взаимоотношения с довольно деспотичным хозяином пансиона, к тому же, как впоследствии выяснилось, не отличавшимся высокими моральными качествами. В пансионе Бальзона Александр Титов провел неполных шесть лет. Юношей он не стал мириться с той гнетущей несвободой, в которой Бальзон держал своих пансионеров, и в апреле 1895 года принял самостоятельное решение навсегда покинуть пансион.

Учился Александр Титов легко и увлеченно. Высокая мотивация к приобретению знаний, подкрепленная хорошей памятью и природной сообразительностью, уже в начальных классах вывела Сашу в число лучших учеников Петропавловского училища. Начиная с третьего, а не четвертого класса, как неточно вспоминает в своих мемуарах герой нашего повествования, мальчик стал первым учеником класса и эту позицию сохранял вплоть до окончания школы. Получив в октябре 1891 г. «цензурку» за первую четверть года, Саша победоносно сообщал отцу: «Ученик я I». К примеру, Сережа Вахромеев, который все это время «лентяйничал» и «пары у него так и летели», оказался лишь «12-ый из 33, что вовсе не плохо», — заключал

³⁵ *Солженицын А. И.* Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах: Узел 1: Август Четырнадцатого. М., 1993. Т. 2. С. 253.

переживавший за своего двоюродного брата Саша Титов³⁶. Но гораздо более показательным в характере мальчика оказалось другое его качество. Упорство, с каковым он добивался однажды поставленной цели, помогало ему успешно преодолевать трудности и достигать многих прекрасных результатов. Уже через несколько дней Саша вновь отчитывался Андрею Александровичу: «Дела у меня идут хорошо. Из русского я получил 4+, из латинского 5, из немецкого 5—. Теперь работаю очень много, чтобы удержать за собой мое место»³⁷.

Из той же переписки известным становится случай, когда в пятом классе гимназист Александр Титов за свои школьные успехи был даже удостоен именной денежной награды, по тем временам весьма немаленькой, полученной от некоего московского мецената. «Сегодня мне директор торжественно вручил 20 руб. награды от одного господина, — писал Саша отцу, — но до твоего письма деньги я не получаю. Я хочу их пока положить в Ростове в кассу. Мне инспектор сказал, чтобы я написал тебе письмо. Поэтому напиши мне, что позволяешь мне взять эти деньги. Напиши мне в тот же день, как получишь мое письмо, так как я должен пойти поблагодарить того господина, который дал мне эти деньги»³⁸. Из данного короткого сообщения уже отчетливо проступают новые примечательные свойства личности пятнадцатилетнего подростка: и крепкая купеческая расчетливость, и черты интеллигентного человека.

Практически все преподавание в Петропавловском училище велось на немецком языке. Кроме него обязательным в программе классической гимназии значился и французский язык, так что уже в школьные годы Саша свободно говорил и писал на этих двух языках (в студенческую пору он выучит еще и английский). Более того, гимназист серьезно изучал латинский и греческий языки. Это видно хотя бы из его сообщения отцу о покупке в сентябре 1892 года «у Вольфа» латинско-немецкого (!) словаря, необходимого Александру для подготовки переводов «Записок» о войнах знаменитого римского полководца Гая Юлия Цезаря³⁹. Причем, как и следовало ожидать, переводы эти ученик четвертого класса осуществлял с латинского языка на немецкий.

В пятом классе гимназии Александр изучал древнерусскую литературу, и в этой связи как-то писал отцу: «Скоро у нас будет I четв[ерть]: так что я теперь zelo прилегаю книгам, как это стоит в одной рукописи. Мы теперь изучаем древнейшую русскую литературу. Если можешь, то пришли мне томик твоей книжки о бже Велесе, который стоял в Ростове»⁴⁰. Любопытно, что Саша не только запомнил понравившееся ему изречение из старинной рукописи, которое он, возможно, слышал от отца или сам

³⁶ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1754. Л. 27, 32 (письма от 29 сент., не позднее 16 окт. 1891 г.).

³⁷ Там же. Л. 28–29 (письмо от 20 окт. 1891 г. из Москвы в Ростов).

³⁸ Там же. Д. 1755. Л. 9 (письмо от 11 сент. 1893 г.).

³⁹ Там же. Д. 1754. Л. 47–47 об. (письмо от 20 сент. 1892 г.).

⁴⁰ Там же. Д. 1755. Л. 14–14 об. (письмо от 15 окт. 1893 г.).

почерпнул из материалов титовского собрания, но и помнил о сочинении своего родителя «“Велесово дворище” и легенда о жреце Киче», вышедшем в свет в 1887 году⁴¹. В этой небольшой книжечке рассказывалось о древней ростовской легенде, согласно которой в местечке Ангелово, располагавшейся в десяти верстах от Ростова, стоял в языческие времена идол божества Велеса. Это изваяние в те поры было так велико, «что вызолоченная голова идола, – сообщал историк Андрей Титов, – при закате солнечном, была видна даже из Ростова».

Вообще следует отметить, что в процессе своих школьных занятий Саша не раз прибегал за советом или помощью к Андрею Александровичу, желая воспользоваться материалами его обширнейшей библиотеки или известной на всю Россию коллекции рукописей. Будучи учеником шестого класса, Александр Титов сообщал отцу (26 сентября 1894 г.): «За первое сочинение “Плюшкин и Коробочка” я получил пятерку, ни одной поправки. Кстати, в заключении вставил, что ты мне посоветовал про Плюшкиных. У меня к тебе большая просьба: нам задали сочинение: “Характер древнерусской образованности до XVI века”. Но он (учитель. – Я. С.) предложил еще тему: сравнить древнерусскую проповедь (напр., Даниила Туровского или др.) с проповедью схоластической, юго-западной, времен Гилятовского. Поэтому, я был бы тебе очень благодарен, если б ты мне прислал какую-нибудь из этих проповедей (хотя бы и Св. Димитрия), в которой проглядывает схоластическая образованность. Я уверен, что получил бы 5»⁴². И не велика беда, что Саша пока еще путает имя выдающегося древнерусского книжника второй половины XII века – Кирилла Туровского, – все, в конечном счете, поправимо, – важно здесь другое. Он уже вполне самостоятелен в своем творческом поиске и в стремлении как можно лучше выполнить работу.

О том же – его другое письмо к отцу, датированное 15 ноября 1895 года: «Милый папа! У меня к тебе просьба. Дело в том, что нам задали русское сочинение, предложили несколько тем, в том числе и эту: “Почему образованные народы дорожат сохранением памятников древности”. Может быть, у тебя найдутся какие-нибудь книги по археологии, нумизматике, библиографии или вообще что-ниб[удь] в этом роде, где (в предисловии, напр[имер]) доказывалась бы важность и знач[ение] этих отраслей науки. [...] Еще предложены, кроме этой, 3 темы: “Почему человек называется царем природы?” – “Какие изобретения могут считаться величайшими и почему?” – “Почему уважение к предкам считается хорошим качеством как у отдельного человека, так и у целого народа?”». Примечательно, что

⁴¹ Речь идет об отдельном оттиске газетной публикации, см.: *Титов Ан. Ал.* «Велесово дворище» и легенда о жреце Киче // Московский листок. 1887. 16 февр. (№ 47). С. 3. Отд. отт.: М.: тип. Н. И. Пастухова, 1887. 16 с. (подробнее см.: Библиографический указатель трудов и изданий А. А. Титова // *Смирнов Я. Е.* Андрей Александрович Титов (1844–1911). С. 131. № 144).

⁴² ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1755. Л. 24–24 об.

из всех предложенных учителем тем сочинения, Александр выбрал ту, которая оказалась ему внутренне наиболее близка, будто она была продиктована самой жизнью, так знакомой ему по родному древнему Ростову с ранних лет. Ниже в корреспонденции Саша приписал: «Недавно получили обратно тетради классн[ого] сочинения о Карамзине, у меня у одного 5, а третьего дня писали опять классное: “Благо Отечества есть наше благо”. Я написал очень много — страниц 12 и, кажется, очень хорошо»⁴³. Так постепенно в сознание подростка входили новые, все более расширяющиеся до масштабов всей великой страны, понятия Отечества и блага народного. Когда-то над ними размышлял выдающийся российский историограф — «последний летописец» Н. М. Карамзин. Теперь эти вопросы на уроках истории себе задавал ученик московской немецкой гимназии Александр Титов⁴⁴.

В своих мемуарах Александр Андреевич, вспоминая гимназические годы, рассказывает и об учителях Петропавловского училища — немцах и русских. Давая характеристику некоторым из них, личностям ярким или бесцветным «формалистам», он как-то по особому выделяет учителя математики Эдуарда Константиновича Валицкого⁴⁵. И хотя это был «человек желчный, любивший поиздеваться над учениками», всегда ограничивавшийся единственной «высшей» отметкой — тройкой с плюсом, Александр Андреевич вспоминает о нем с уважением и даже с какой-то теплотой. Имя учителя математики чаще других преподавателей встречается и в переписке юного Александра с отцом. Впервые он упоминает об Э. К. Валицком осенью 1892 года: «Вчера вызывал меня из геометрии учитель доказывать новую теорему, и поставил 3+ — самый лучший балл, который он ставит. Это у него все равно, что 5 у другого. Он все больше ставит колы да утки, а если кому поставит чистую 3, так тот начинает креститься»⁴⁶. Такое несправедливое отношение учителя не слишком огорчило младшего Титова, наоборот, оно возбудило в нем горячее желание доказать Валицкому, что он достоин гораздо более высокой оценки. Более того, гимназист не боялся отстаивать перед строгим и надменным учителем свою точку зрения: «Как-то я пустился с ним в спор по поводу доказательства какой-то теоремы, причем я нашел оригинальный и быстрый способ, с которым он должен был согласиться». Борясь за свою правоту силой слова и убеждения,

⁴³ Там же. Д. 1756. Л. 17—17 об.

⁴⁴ В Ростовском музее сохранилась рукопись одного из школьных сочинений Александра Титова «Военное дело в России до Петра Первого», над которым он работал в 7 классе (ГМЗРК. Ф. 291. Оп. 3. Д. 4).

⁴⁵ Имя и отчество Э. К. Валицкого, как и других учителей Петропавловского училища, фамилии которых Ал. Ан. Титов называет в тексте своих мемуаров, удалось установить по ежегоднику «Вся Москва. Адресная и справочная книга города Москвы на [...] год».

⁴⁶ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1754. Л. 48 об. (письмо от 25 окт. 1892 г.). За месяц до того, 20 сентября, Александр сообщал в Ростов: «У нас 6 новых учителей; из них один очень строгий: тот, что не ставит больше 3 из математики» (Там же. Л. 47—47 об.).

мальчик приобретал важные качества личности и гражданина, умеющего отстаивать свои взгляды.

«Противостояние» с учителем математики закончилось полной победой Саши Титова. Уже в октябре 1894 года он рапортовал отцу: «У Валицкого 4+, я очень рад»⁴⁷. На майских экзаменах в шестом классе Александр получил в аттестат долгожданную пятерку. «Вчера был у меня экзамен по математике. Спрашивал Валицкий, как раз тот билет, который я знал хуже всех, так как он очень не интересный. Но я отвечал отлично; спрашивал меня не более 3-х минут, и поставил, конечно, 5»⁴⁸. Вполне очевидно, что присутствие в судьбе Александра Титова еще в школьные годы учителей, подобных Э. К. Валицкому, — строгих, но досконально знающих и любящих свой предмет, лишь закаляли его, воспитывая в нем любовь к знанию, науке и, что гораздо важнее, к творческому эксперименту. Без этих важных качеств настоящий ученый вряд ли может состояться.

Жизнь в Москве сулила Саше много новых соблазнов и развлечений. Вместе с родными, регулярно навещавшими столицу, или с семьей Бальзона и пансионерами ему нередко доводилось бывать в цирке на Цветном бульваре и в знаменитых московских театрах. Поначалу его забавляли шуточные представления с лилипутами. Став взрослее, подростка привлекали уже серьезные драматические и оперные спектакли. «В 5-м классе я сделался большим театралом, часто посещал театр Корша, Большой и Малый театры, оперу Зимина. Когда в Москву приезжал отец, он обязательно брал меня в театр, особенно в Никитский, где гастролировали иностранные знаменитости — итальянские оперные певцы и выдающиеся трагики. Отец останавливался в “Лоскутной” гостинице, где я у него и ночевал после театра». Позже Саша стал сообщать отцу, большому любителю и знатоку театра, о самостоятельном посещении того или иного представления заграничных артистов, каковым, к примеру, было выступление гастролировавшей весной 1893 года «мюнхенской труппы», игравшей спектакли на немецком языке. Нередко Саша бывал в Третьяковской галерее, ходил с друзьями на художественные выставки современных русских живописцев.

Возникший большой интерес и любовь к искусству у Александра Титова не ограничивался лишь внешним его созерцанием. Оказавшись в Москве, Саша получил возможность продолжить свои занятия музыкой, начатые еще в Ростове под руководством «мамы-коки». На протяжении всех гимназических лет он систематически — дважды в неделю — брал уроки игры на рояле «у барышни», каждый день самостоятельно упражнялся на инструменте, имевшемся в пансионе Бальзона. Будучи учеником пятого класса, Саша пленился танцевальным искусством, и просил отца позволить ему посещать уроки танцев.

Даже общение Саши с «братьями нашими меньшими» в столице получило свое новое неожиданное развитие. Как-то в его московских

⁴⁷ Там же. Д. 1755. Л. 28 (письмо от 23 окт. 1894 г.).

⁴⁸ Там же. Д. 1756. Л. 5–6 (письмо от 18 мая 1895 г.).

«покоях» обосновался целый выводок морских свинок, за которыми заботливо ухаживало все ребячье население бальзовского пансион. Причем количеством маленьких зверьков пансион, пожалуй, больше походил на небольшую ферму. В письме 13 марта 1893 года к отцу Саша упоминает о визите к нему их некоего общего знакомого: «Я ему показывал свинок, и он на них очень смеялся. Теперь у нас 33 штуки, и, наверно, скоро еще прибавится. Привез он мне жаворонка, а другого я завтра отдам Але»⁴⁹. Так, дети Титовых, даже находясь вдали от родного дома, в котором всегда был своеобразный культ животных, испытывали потребность в постоянном общении с ними и заботе о них.

Возвращаясь промозглым мартовским вечером 1894 года из театра, Саша сильно простудился и не на шутку заболел. Врачи признали у мальчика двустороннее воспаление легких. Насколько опасна оказалась его болезнь, видно из письма Надежды Александровны Титовой к мужу. 24 марта она сообщала в Ростов: «Андрюша! Вчера с Сашей были у Зонберга, он советует Сашу везти в Крым, чем скорее, тем лучше, говорит, что в настоящее время в Москве жить для него весьма нехорошо, я говорила, что нельзя ли Саше ехать в нашу деревню и пить кумыс, он возразил на это, что для Саши необходимо быть целый день на воздухе, [это] при нашем климате невозможно в настоящее время, [нужно] прожить в Крыму до июня, купаться в море, пить кумыс или кефир, тогда можно быть покойным за него, если допустить, он вторично получит воспаление, смело можно быть уверенным, что перенесет, но если он не укрепит за это время здоровье, так я не отвечаю, вот буквально слова доктора, он его выслушивал при мне и сказал, что следы болезни остались, Саша ему говорил, что чувствует слабость. Во вторник мы приедем домой, и Саша с нами вернется, Зонберг даст свидетельство, что Саша по болезни должен оставить занятия.

Что же ты скажешь на все это? Может, еще кому его показать, чтобы вполне убедиться в необходимости поездки. Я сегодня всю ночь продумала о Саше, Зонберг сказал, что Саша был два дня на волоске от смерти»⁵⁰.

Тревожась за здоровье сына родители немедленно увезли его в Ростов, — училищное начальство разрешило прилежному ученику перейти в следующий класс без экзаменов. Об этой своей болезни, которая, как узнаем из переписки родных Александра Титова, могла закончиться вполне трагически, он рассказал в своих французских мемуарах: «Так как доктора боялись за мои легкие, то советовали ехать на юг, но затем решено было, что при наступлении теплой погоды — в мае месяце — я поселюсь в нашем имении “Петровском” вместе с сестрой Валею, и что приглашен будет татарин с кобылой для приготовления кумыса. Расчет оказался правильным, и я совершенно поправил свои легкие».

Не сложно представить, что тогда чувствовали и переживали всерьез напуганные родители. Андрей Александрович, как только Саша немного

⁴⁹ Там же. Д. 1755. Л. 6.

⁵⁰ Там же. Д. 1793. Л. 29–30.

поправился, не решился отпустить сына на Кавказ, оставляя его на излечение вблизи себя — в имении Петровском, где он находился под надежным и заботливым присмотром всей родни. К тому же драматичная история с Сашинной болезнью совпала с другой трагедией, которую той весной суждено было пережить Андрею Александровичу Титову. 16 мая в Москве скончался его ближайший друг — Александр Максимович Попов (1845—1894). Будучи ровесником ростовского купца, он был одним из крупных московских купцов-промышленников, получившим блестящее европейское образование, владельцем вместе со своим отцом, Максимом Ефимовичем Поповым, знаменитой «Лоскутной» гостиницы, щедрым благотворителем, много жертвовавшим личных средств на культурные цели, в том числе и на восстановление храмов Ростовского кремля. Ан. Ал. Титов в своей статье на кончину Александра Максимовича тепло о нем написал: «Более благородного и доброго человека и семьянина трудно было представить»⁵¹.

Совершенно не случайным в некрологе оказалось упоминание о покойном как добром семьянине. Андрей Александрович хорошо знал Александра Максимовича Попова и с этой интимной человеческой стороны. Ведь Титовы и Поповы долгое время были дружны семьями. С начала 1890-х годов в большую и дружную семью москвичей Поповых вошел и Саша Титов, обретая в ней себе верных друзей и единомышленников, которые имели на него огромное мировоззренческое и культурное влияние. А спустя несколько лет лучший друг Александра Титова — Владимир Попов, сын покойного Александра Максимовича, женится на его младшей сестре — Аленке Титовой. Так что две именитые купеческие фамилии, в итоге, соединились еще и родственными узами.

Конечно же, неспроста Ал. Ан. Титов помнил о той своей внезапной болезни и десятилетия спустя. Тогда она для него сыграла роль поворотного момента в жизни и судьбе, явилась фактором подлинного взросления. Из маленького мальчика, еще совсем недавно любившего подвижные и шумные детские забавы, он быстро превратился в юношу, почувствовавшего свою самостоятельность, в котором пробуждались задатки еще молодого, но уже серьезного и ответственного хозяина. Это отчетливо явствует из переписки сына с отцом. Имение Петровское, приобретенное Андреем Александровичем в конце 1893 года, весной и летом 1894-го оказалось не только удивительным природным местом, где Александр довольно быстро пошел на поправку, но и тем полем настоящего хозяйствования, на котором все последующие годы приобретал деловую закалку младший Титов. И здесь расчет Андрея Александровича вновь оказался верным.

Если в 1893 году, по словам Ан. Ал. Титова, прежние «усадебные постройки представляли из себя груду развалин и грозили задавить находящийся в них скот и некоторые машины», то к началу XX столетия имение Петровское усилиями новых хозяев было не только отстроено, но и пре-

⁵¹ А. Т. [Титов Ан. Ал.] Александр Максимович Попов. [Умер] 16 мая 1894 г. // ЯГВ. 1894. Ч. н. № 40. С. 4.

вращено в образцовую экономию, в которой весь строй хозяйствования идеально соответствовал «естественным и экономическим условиям местности»⁵². А тогда, весной 1894 года, в этом направлении делались лишь первые шаги. И Александр Титов, в ту пору пятнадцатилетний юноша, в эту многообразную работу был вовлечен с головой. Уже в 20-х числах мая он писал отцу из Петровского: «Милый папа! Приезжай поскорее. У нас кончили сыровозницу. Вчера сеяли фосфорит. Пашню должны окончить к Троице. Рожь выправляется. Сегодня довольно холодно, Валя и Аля уехали в Ивановское на экзамены (вслед за Ан. Ал. Титовым, его дочери были активными помощницами приходских учителей в проведении школьных экзаменов.— Я. С.). Лес вычистили еще одну десятницу. Завтра будем еще размеривать. Благодарю за план. Я хочу с него снять подробную копию и обозначить все десятины. Пока до свидания. Приезжайте же поскорее. Твой А. Т.»⁵³.

Все лето Александр провел в Петровском, лишь изредка выбираясь в Ростов. Впервые к нему погостить в деревню из Москвы приезжали и братья Поповы. Именно тогда в Петровском Саша страстно увлекся фотографированием и, к слову сказать, снимки хозяйственных построек и видов имения, помещенные в первом выпуске «Описания Петровской экономии» Ан. Ал. Титова, изданном в 1900 году, были сделаны его сыном⁵⁴.

⁵² Титов Ан. Ал. Описание Петровской экономии А. А. Титова Ростовского у., Ярославской губ. С 4 рисунками и 6 чертежами. М., 1900. [Вып. 1]. С. 13, 14.

⁵³ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1755. Л. 20 (вверху листа рукой Ан. Ал. Титова помета: «получ[ено] 1894 мая 28»).

⁵⁴ Оригинал фотографии скотного двора в Петровском, помещенной в «Описании Петровской экономии» (на с. 58), сохранился в личном фонде Ан. Ал. Титова в ГАЯО. На обороте снимка рукой Александра Титова сделана надпись: «Скотный двор. Снято 25-го июля 96» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2362. Л. 16). О фотографической страсти, увлекшей Александра Титова летом 1894 года, свидетельствует и его письмо к сестре — Глафире Кегель, адресованное в Ревель, где она в это время проживала с мужем. Написанное в Петровском, оно ярко повествует о событиях того лета. «Петровское, 2 июля. Милая и дорогая Граничка! Вот посылаю тебе “дела рук своих, посылаю тебе именно эту группу, чтобы ты имела возможность любоваться на восходящее светило — Николая Александровича — попросту Потрясателя (речь идет об Н. А. Ивановском — близком знакомом Титовых.— Я. С.). Это один из первых моих снимков,— довольно удачно. Ты, конечно, заметишь на первом плане кота Спирьку, который обретается здесь, в Петровском. Я нарочно не подклеил на толстый картон фотографию, а то очень тяжело будет весить. Мы здесь проводим время довольно весело, а главное, все очень поправились. Я с приезда сюда потолстел на 10 фунт[ов], надеюсь, поправиться еще. Мы с Варей пьем кумыс, представь себе, у нас тот же татарин, что жил прежде. Я на днях написал письмо Зандбергу, спрашиваю, можно ли кончить кумыс, или еще продолжить. Жду от него ответа. Я перешел в VI класс, и теперь совершенно спокоен. Наверно, у вас есть холера? У нас совсем нет. У нас уже были две ревизии, т.е. был произведен осмотр г[осподами] гостями — Богдановыми и Вахромеевыми. Мишу (сын ростовского врача Л. Я. Богданова.— Я. С.) хотят привезти еще раз. Я снимал Богдановых «Святое семейство», и послал им фотографию, которая, не хвастаясь, могу сказать, вышла очень удачно. Леонид Яковлевич (Богданов.— Я. С.) меня просил снять его одного

Когда отец уехал на ярмарку в Нижний, Александр вновь информировал его о ходе сельскохозяйственных работ в имении, которыми самолично руководил. «Рожь я вею смолотить на этой неделе и тотчас же пошлю», — сообщал он 1 августа. Через некоторое время, уже перед самыми сборами в училище, Александр писал отцу: «У нас вчера начали жнитво, сжали 7 десят[ин] обязательных». И еще: «Хотел бы я, чтоб ты приехал пораньше, так как мне не придется вместе с тобой съездить в Петровское»⁵⁵. Уже из Москвы Александр, ученик шестого класса гимназии, спрашивал у отца: «Что делается в Петровском по хозяйству? Меня очень интересует»⁵⁶. Этот интерес и живое участие в создании фамильного имения, основанного на новейших технологиях животноводческого и посевного хозяйства, отныне на многие годы станут для него неизменными.

Личностно взрослеющий Александр все больше походил характером и в делах на своего отца. Такой же скорый, вездесущий и при этом основательный, ценящий свое и других время. Те черты характера, которые не были даны ему от природы, он невольно перенимал у отца, изучая и впитывая его привычки и пристрастия, стиль общения с людьми. «Сейчас заявил мой сынок, что ты не любишь длинных писем, но я почему-то не могу писать немного», — сокрушалась в конце пространного письма к мужу немало удивленная открытием Надежда Александровна Титова⁵⁷. Да, даже такая незначительная деталь, как размер эпистолярного послания, — может многое поведать о натуре человека! Очевидно, не случайно письма Александра Титова к отцу теперь станут приобретать все более краткую, подчас лапидарную форму, имеющую сугубо деловую направленность.

У матери же был свой взгляд на внезапно проявившуюся независимость в суждениях и поведении сына. В этом она склонна была видеть его порок и собственный недогляд в воспитании подростка. А потому жаловалась Андрею Александровичу, одновременно и его наставляя: «Приехавши в Петровское, опять был мигрень, я совсем измучилась, и вдобавок бессонница, не знаю, что и делать. Александр ладит взять в Москву велосипед, чтобы кататься, но я это не позволю, и тебе сове-

и сделать ему несколько портретов, так как он многим обещался. Этого я, конечно, не сделаю, — что за удовольствие тратить пластинки и бумагу на его физию. Визит Вахромеевых прошел тоже удачно, что можно заключить из слов тети Лизы (Елизавета Семеновна Вахромеева. — Я. С.): “Если бы у вас была река — то было бы как в раю”. Потрясатель в последнее свое посещение играл в веревочку, и ему очень доставалось. Он, скрючившись, как блоха прыгал по кругу и попадал все по пустому месту. В общем, он весел, хотя воображает, что у него чахотка; обещался еще раз к нам приехать. До свидания пока, поцелуй от меня Володю (Владимир Августович Кегель, супруг Глафиры. — Я. С.), я не премину послать еще несколько фотографий. Если ты желаешь кого или что-нибудь увековечить, то напиши мне, я живо сниму и тебе пришлю. Твой брат А. Титов» (ГАЯО. Ф. 1367. Д. 2389. Л. 28–29).

⁵⁵ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1755. Л. 21, 37.

⁵⁶ Там же. Л. 28 (письмо от 23 окт. 1894 г.).

⁵⁷ Там же. Д. 1793. Л. 42 об. (письмо от 24 июля 1894 г.).

тую не позволять. Он мне столько дерзостей наговорил по этому поводу [...]. За нынешнее лето сделался совсем неблаговоспитанным, что весьма некрасиво, если уж он теперь говорит матери дерзости, чего же дальше ожидать хорошего. Ты с ним поговори серьезно, чтобы он не смел быть дерзким с Бальзоном»⁵⁸.

По тем временам чудо техники – велосипед – у Саши в Ростове появился у одного из первых. Его купили в начале лета 1893 года в Петербурге, куда отец впервые взял с собой и сына. Все лето он на зависть ростовским мальчишкам гонял с ветерком всюду по городу, вдоволь катался на вахромеевской даче в Исадах. Когда появилось имение Петровское, велосипед оказался просто незаменим. Если по какой-то причине нельзя было воспользоваться лошадью, Александр объезжал все ближние и дальние окрестности владения на своем велосипеде. Порой его путешествие из Ростова в Петровское и обратно также совершалось «верхом» в седле велосипеда.

Несмотря на сопротивление матери, пожелавшей наказать сына за «дерзости», в Москву Александр приехал со своим двухколесным другом – своеобразным символом его независимости и свободы. Именно с этого времени велосипед на целые годы станет для Александра Титова излюбленным средством передвижения по Москве, и его по праву можно считать одним из первых московских велосипедистов. Любопытно, что именно в августе 1894 года Московская городская дума приняла специальное постановление, касающееся столичных велосипедистов – «О правилах проезда по Москве на велосипедах»⁵⁹. Документ регламентировал езду по городу и окрестным паркам, владельцам же велосипедов предписывалось иметь личную книжку водителя и два жетона с номерами, крепившимися на руль и фонарь сзади. Нередко в письмах Александра к отцу встречаются упоминания о велосипедных прогулках с товарищами в подмосковное Кунцево, Петровско-Разумовский парк, куда друзья по обычаю того времени отправлялись «пить чай».

Совсем скоро любовь Александра Титова к технике и ее последним новшествам заявит о себе вновь, и он пожелает приобрести усовершенствованную английскую модель велосипеда. В сентябре 1896 года, учась в последнем классе гимназии, он сообщил Андрею Александровичу в Ростов: «Я себе присмотрел очень хороший велосипед первоклассной английской фабрики в оптовом складе у Брауна на Варварке, но цена дороже, чем я думал: 135 руб., с фонарем и всеми принадлежностями. Для такого велосипеда это дешево, а он у них остался из всей партии последний, и мне его очень не хочется упустить. Ходил я с двумя товарищами, знатоками, и им очень понравился. Теперь его еще выверят, и он будет готов к субботе. Позволь мне его купить. Все равно покупать придется, а дешевле такого не купишь.

⁵⁸ Там же. Л. 62–62 об. (письмо без даты; вверху листа карандашом помета: «1894 г.»).

⁵⁹ См. об этом: *Николаева Т.* Велосипеды на улицах Москвы // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 507–509.

Я дал им 5 руб. задатку»⁶⁰. Уже через пару дней, 22 сентября, Александр, воодушевленный благосклонностью отца, вновь ему писал: «Благодарю тебя, милый папа, за подарок. В четверг думаем учинить куда-нибудь поездку. Завтра возьму велосипед»⁶¹.

И как своеобразный гимн любимому увлечению и собственной молодости звучит в мае 1897 года восклицание Александра – выпускника гимназии: «На велосипеде закатываю прекрасно, по всей Москве!»⁶². И потом, будучи студентом Московского университета, и даже в Германии, в университетскую пору в Лейпциге и Берлине, Александр Титов не променяет велосипед на обычные в его среде «буржуазные» двуколки и экипажи. Велосипед стал для него средством и стилем жизни – всегда устремленной, динамичной и деловой.

Что же до учителя П. И. Бальзона, о котором так пеклась в ущерб нравственных интересов своего сына Надежда Александровна, то его пансион Александр покинул – таки в самом конце учебного года. Тогда, весной 1895 года, Бальзон сам подал к тому неблагоприятный повод. Погрязнув в долгах, накопившихся вследствие его необузданных «вечерних походов», он решил прибегнуть за помощью к новому кредитору – Ан. Ал. Титову, обратив к нему свою просьбу о немалой сумме через Александра. Андрея Александровича, который уже был довольно наслышан о пикантных увлечениях учителя, подобное требование, прикрытое вымышленным предложением увеличения расходов по расширению пансиона, да еще переданное через сына, сильно возмутило. Учитель получил от купца «хороший нагоняй», но, как потом вспоминал Ал. Ан. Титов, «история с предполагавшимся займом Бальзона у моего отца продолжала беспокоить последнего, он представлял себе, какое плохое влияние Б. мог иметь на пансионеров и какой крах получился бы, если бы Бальзона описали за долги».

Этим-то страхом отца, как признавался впоследствии Александр Андреевич, он и решил воспользоваться, окончательно намерившись уйти из опостылевшего пансиона, где все с каждым днем становилось враждебным его личности. Благо уходить – было куда. Ольга Тимофеевна Попова, вдова Александра Максимовича, готова была предоставить Саше отдельную комнату в своем просторном доме, в котором его уже давно приняли, как родного, и полюбили. Соблазн был велик. В доме Поповых Александра ожидала дружеская, интеллектуально богатая среда и, более того, отличные бытовые условия проживания там были гарантированы. Обо всем этом он изложил свою просьбу к отцу, заключая одно из писем, отправленное в Ростов в конце апреля: «Надеюсь, что ты меня избавишь от пребывания у Бальзона»⁶³. Прознавшая о намерении сына

⁶⁰ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1756. Л. 71–71 об. (письмо без даты; предположительно, 15–17 сент. 1896 г.).

⁶¹ Там же. Л. 51 об.

⁶² Там же. Д. 1757. Л. 13–13 об.

⁶³ Там же. Л. 58 об. (письмо без даты; предположительно, от 25 апр. 1895 г.).

Надежда Александровна, упорно стояла на своем, отвечая мужу: «Мне кажется, Сашу не следует брать от Бальзона; поверь, что он хлопочет из-за свободы»⁶⁴. Пока же между родителями шла переписка, Александр в начале мая уже перебрался в Варсонофьевский переулок к Поповым. На долгие раздумья у него времени не оставалось, – в училище начались годовые экзамены.

На этот раз Надежда Александровна не была далека от истины: Саша искал и обрел личную свободу. Уход от Бальзона, как знак сделанного им важного нравственного и личного выбора, также явился заметным этапом в его еще недолгой жизни. В купеческо-интеллигентной семье Поповых, насчитывавшей восемь человек детей, где каждый был занят каким-то интеллектуальным или художественным творчеством, витал манящий дух свободы, либеральных ценностей. Не случайно по прошествии многих лет бурной жизни Александр Титов с трепетом и благодарностью будет вспоминать о своем лучшем друге – Владимире Попове: «Ему я обязан более чем кому-либо во всем направлении своего развития, и в свои отроческие годы находился под его влиянием и был его верным другом до самого отъезда за границу».

Андрей Александрович Титов, наученный собственным горьким опытом, хорошо знал цену игры в российский либерализм, когда невзначай могут и болезнхонько прихлопнуть, а потому старался уберечь сына от «политики». Александр, успешно сдавая экзамены за шестой класс гимназии, тем временем успокаивал отца: «Обо мне можешь не беспокоиться, потому что я “твердь в упованию”. А с Поповыми и вообще ни с кем про политику и т.п. разговоров не завожу, потому что она меня вовсе не интересует»⁶⁵. В конце мая он победоносно сообщал Андрею Александровичу: «Последний экзамен сдал на 5. Очень рад, что отбоярился от ученья». И тут же – до чрезвычайности трогательное признание: «Поросят высмотрел прекрасных, крупной йоркширской породы у князя Юсупова в Архангельском. Только теперь еще рано их брать. Их отнимут от матери к 8 июня. Пара только 15 руб. Замечательно красивы и очень большие»⁶⁶. Готовясь к поездке на каникулы домой, Саша уже был поглощен хозяйственными заботами о Петровском, в котором ему вновь предстояло провести целое лето...

В августе 1895 года Александру Титову исполнилось 17 лет. В Москву из Ростова он вернулся 17 августа и в этот день поселился на квартире брата и сестры О. Т. Поповой – Николая Тимофеевича и Веры Тимофеевны Жегиных. Здесь было гораздо спокойнее, чем в «шумном Поповском семействе», да и отец, очевидно, настоял на этом переезде, чтобы у сына поменьше возникало соблазнов до разных «политических разговоров». Благо родственники Поповых хорошо знали младшего Титова и также были к нему душевно расположены.

⁶⁴ Там же. Д. 1794. Л. 1 об. (письмо от 29 апр. 1895 г. из Ярославля в Ростов).

⁶⁵ Там же. Д. 1756. Л. 22 (письмо без даты; очевидно, до 25 мая 1895 г.).

⁶⁶ Там же. Л. 7–7 об. (письмо без даты; от 25 мая 1895 г.).

Для Александра же открывалась новая страница его существования в Москве. Именно днем приезда Сашы в столицу датируется первая запись в его дневнике, появление которого, конечно же, оказалось не случайным. Этот интересный документ удивительным образом уцелел до наших дней и хранится в рукописном фонде Ростовского музея-заповедника⁶⁷. Читая его, невольно вспоминаются строки из юношеского дневника Андрея Александровича Титова, примерно в том же возрасте, в котором сейчас пребывал его сын, писавшего: «Я здоров, весел, счастлив, — чего же более мне. Притом я поэт, сочинитель, художник, композитор, — да, я очень счастлив»⁶⁸. Это ощущение молодой энергии и оптимизма на пороге будущей прекрасной жизни теперь было сродни мироощущению и Александра. Отныне — он вершитель собственной судьбы, а потому предельно собран, мобилизован. И дневник тут мыслился практической подмогой — руководством и хроникой непрерывного действия⁶⁹.

Примечательно, что уже следующая запись в дневнике Александра Титова, от 19 августа, была сделана его другом: «Сегодня был у тебя. В. Попов». Быть может, специально заглядывая в дом своих родственников, Владимир хотел повидать приехавшего Сашу и не застал его, а может, просто решил при долгожданной встрече запечатлеть в его записной книжке свой автограф на память. Исследуя день за днем записи в дневнике, мы находим многочисленные подтверждения словам Титова-мемуариста о глубокой взаимной привязанности двух друзей. Они практически ежедневно видятся друг с другом — у Поповых или Жегиных, совершают совместные прогулки по Москве, за город — ездят в Петровско-Разумовский парк, на дачу Поповых в подмосковное Чаново. На лоне природы любимым их занятием была гимнастика, а в зимнюю пору — коньки (из дневника за 27 ноября: «я себе купил штиблеты в 6 р. 25 к., чтобы бегать на коньках»). Вместе друзья посещают театры, Третьяковскую галерею, слушают цикл публичных лекций об электричестве в Политехническом музее (интерес Сашы к научно-техническим новинкам не ослабевает; 19 ноября

⁶⁷ Публикацию дневника см.: Записная книжка Александра Титова (1895 год) / публ. Е. И. Крестьяниновой // СРМ. Ростов, 2003. Вып. 14. С. 24–46. Заглавие публикации, данное публикатором по формальным признакам документа (рукопись расположена на страницах издания: «Круглый год, календарь и записная книжка на 1895 год с прихордorasходною книжкою, вырезным алфавитом и аспидною доскою» (СПб., 1895)), несколько неточно, и не отражает ее содержание. Речь идет, конечно же, о записях дневникового характера.

⁶⁸ См. об этом: *Смирнов Я. Е.* Андрей Александрович Титов (1844–1911). С. 17 (запись от 10 дек. 1860 г.).

⁶⁹ Практически ежедневные записи в дневнике следуют с 17 августа по 21 декабря 1895 г. Поскольку Ал. Титовым использовалось издание «записной книжки на 1895 год», своеобразного прототипа современных еженедельников, то логично предположить, что эти записи могли быть продолжены и в следующем году — в «записной книжке на 1896 год», и т.д. Факт существования дневника 1895 года предопределяет и пока оставляет открытым вопрос, имел ли он свое продолжение, а если да, то какова его судьба?

невероятное событие (!) в «Лоскутной»: «я говорил по телефону и все понимал...»). И при этом они много что-то обсуждают и спорят...

О чем же были эти споры? О том прямое свидетельство находим здесь же, на страницах дневника. Как выясняется, друзья усердно штудируют одни и те же книги, причем, совершенно далекие по своему содержанию от обязательных гимназических программ. Взять хотя бы работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Впервые в русском переводе этот впоследствии классический труд одного из столпов марксистского учения появился в Петербурге в 1894 году, а уже через год наши юные друзья с упоением были погружены в его чтение. В то время увлечение этой новомодной книгой в кругах русской интеллигенции, исповедовавшей народнические и социалистические взгляды, было повальным. Такой интерес русской молодежи к работе Энгельса, пропагандировавшей, как на поверку выяснилось, коммунистические идеи, привел к тому, что уже в 1896 году власти заговорили о необходимости изъятия этой вредной книги из всех публичных библиотек, т.к. ее широкое распространение, по мнению цензора, могло «привести к укреплению в среде молодежи, столь падкой к восприятию всякой без разбора новой теории, неосновательных и отчасти превратных воззрений вообще на социальный строй обществ»⁷⁰. В 1897 г. книга Ф. Энгельса к переизданию в России была запрещена.

Осваивая законы развития первобытнообщинного строя и образования классового общества по Энгельсу, Александр Титов не ограничивается прочтением работы лишь этого автора. 31 октября он записывает в дневнике: «Читал Каутского и сравнивал с Энгельсом. По-моему, в таком спорном вопросе нельзя и решить, кто прав». И на следующий день: «Вообще, в этих всех сочинениях много разногласий, так как все зиждется на гипотезах. Я записал немного, как я понимаю эту теорию». А 3 ноября дневник фиксирует своеобразную кульминацию в этой череде связанных между собою фактов: «После обеда пришел Володя. Сидел весь вечер. Толковали насчет прочитанных книг».

Немного позже друзья прочтут популярное изложение Гросса «Экономическая система Маркса», будут знакомиться с эволюционным учением Чарльза Дарвина, причем Александр Титов подпишется на собрание сочинений этого знаменитого английского ученого в переводах К. А. Тимирязева. Труды самого профессора Тимирязева – крупнейшего отечественного естествоиспытателя-дарвиниста, – лекции которого Александру еще только предстояло через несколько лет услышать в Московском университете, он с увлечением штудирует уже в гимназическую пору. Друзья интересуются философией (читают работы Г. Спенсера, М. Вебера, Н. И. Кареева), изучают историю Великой Французской революции, обсуждают животрепещущие вопросы современной жизни. И, конечно же, как всегда много спорят. Причем, эти дискуссии зачастую протекали

⁷⁰ Цит. по: *Левин Л. А.* Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1948. С. 133.

весьма жарко: «Мы с Володей спорили. По обыкновению логики было мало, а много крику» (4-го октября на квартире у Жегиных). Очевидно, Владимир — от природы темпераментный, по-южному жгучий брюнет — в этих спорах отличался повышенной горячностью, и готов был отстаивать свои взгляды до хрипоты. Об этом свидетельствует сцена, произошедшая 2 декабря в «Лоскутной» гостинице, где в то время остановился приехавший из Ростова Ан. Ал. Титов: «Мы поговорили с Владимиром кое о чем (на мгновение задержимся здесь; эта завуалированность, осторожность в суждениях Александра Титова, проявившаяся даже на страницах собственного дневника, постепенно будет входить в его привычку: к чему лишний раз дразнить своего любимого родителя! — Я. С.). Затем пришел папа, вступил в жестокий спор с Владимиром относительно справедливости торговли и проч.».

Обеспокоенность отца в отношении умонастроения сына, конечно же, была небеспочвенной. В компании Александра и Владимира все чаще можно было наблюдать брата последнего — Александра Попова, в то время уже студента Петровской земледельческой академии. Это именно о нем наш многоосведомленный мемуарист обмолвился лишь одной скупой строчкой: «Третий сын, Александр, по окончании гимназии поступил в Петровскую академию и сделался ученым агрономом». Ученым-то он, конечно, сделался, но намного позже, а тогда, в студенческую пору, отличался весьма независимыми и «вредными» в политическом отношении взглядами и суждениями, что немало шокировало и пугало его мать — женщину светскую и утонченную, переживавшую за судьбу «непутевого» сына. 11 декабря 1895 года Александр Титов записал в своем дневнике, упоминая о приезде в Москву его сестры — Валентины: «Пришел из училища и нахожу у себя Валю. Поговорили с ней. Александр Попов опять поругался с О. Т. (Поповой. — Я. С.) и уехал в академию. Валя просидела у нас до 5».

Очевидно, частые поездки друзей в подмосковный Петровско-Разумовский парк были все же не случайны, и цель этих посещений природы была не только сугубо рекреационная. Ведь именно здесь располагалась та самая Петровская земледельческая и лесная академия (предшественница нынешней Тимирязевской), с внеакадемической жизнью которой наши любопытные гимназисты охотно и обстоятельно знакомились. Кстати, именно с этим местом было связано взбудоражившее в начале 1870-х годов русские умы так называемое «Нечаевское дело» — политический процесс над тайной заговорщической организацией «Народная расправа». Созданная С. Г. Нечаевым, она успела привести в исполнение лишь одну «расправу» — над своим членом, студентом Петровской академии И. И. Ивановым, выступившим против методов политической борьбы лидера заговорщиков. Убийство Иванова, совершенное в парке академии, между прочим, легло в основу сюжета знаменитого романа-символа и романа-предостережения Ф. М. Достоевского «Бесы». В те же 1870-е годы в Петровской академии учился самый известный «петровец» — писатель-

народник Владимир Галактионович Короленко, исключенный из академии в 1876 году за подачу написанного им протеста против действий администрации, сдавшей полиции одного из «революционно настроенных» студентов. Позднее В. Г. Короленко, с которым биография нашего героя пересечется в начале XX века, вспоминал о Петровской академии: «Здесь наука, трактующая вопросы земли, – самые жизненные интересы страны и народа, – устроилась в прекраснейшем уголке среди парков, рош, прудов и полей, достаточно далеко от столицы, для того, чтобы городская сутолока не врывалась сюда своим назойливым шумом и суетой, но и достаточно близко, чтобы жгучие интересы умственного центра могли находить здесь отклик и непосредственное живое участие...»⁷¹.

Усыпленная в своей бдительности Валентина со вздохом облегчения сообщала отцу: «Как хорошо, что Саша не живет у Поповых. Их Александр все говорит разные либеральные вещи. И наш Саша мог бы из-за него попасться. О. Т. очень боится за своего сынка. У нее этой осенью была неприятность из-за какой-то заграничной книги, но Александр не унимается и Владимира подзуживает». А следом в дочернем послании происходит внезапная смена декораций: «О. Т. просит тебя прислать записку Солдатенкову (да-да, именно Козьме Терентьевичу – известнейшему книгоиздателю и большому ценителю искусств, чья частная художественная галерея размещалась в стенах особняка на Мясницкой улице. – Я. С.), с которой бы нас он пустил в картинную галерею»⁷². Повседневная жизнь гимназиста Александра Титова, между тем, была неотделима от жизни и интересов семьи его заветных московских друзей: «В 4 ч[аса] пошел к Поповым, и у них, по обыкновению, сидел», – записал он в дневнике воскресным днем 17 декабря.

Интересуясь идеями социальной справедливости и равенства, которыми Александр Титов питался в семействе Поповых, он обогащал свой внутренний мир и понятиями гораздо более широкой культуры. Еще в пятом классе провинциальный мальчик, как читатель уже знает, сделался в столице большим театралом. И произошло это под влиянием именно Поповых, а точнее – старшего брата Владимира, Николая Александровича Попова (1871–1949). Николай, молодой человек высокой морали, хотя и не кончивший курса гимназии, в то время являлся вольнослушателем Московского университета, с жаром увлекался художественной литературой, искусством и, более всего, театром. Владимир же, как вспоминал о своем друге-ровеснике Александр Андреевич, «обожал брата, жадно впитывал в себя его слова и суждения».

Любовь к искусству и театру в купеческой семье Поповых зиждилась на глубоких традициях. Ольга Тимофеевна, одна из шести дочерей саратовского купца Тимофея Ефимовича Жегина, унаследовала эту горячую любовь от отца и передала ее своим детям. Как отмечает современный

⁷¹ Цит. по: *Канторович А.* По Тимирязевской академии. М., 1956. С. 12.

⁷² ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1777. Л. 40 об.

исследователь А. Е. Мушта, Тимофей Жегин «выделялся среди саратовского купечества своей кипучей энергией, образованностью, любовью к искусству и независимыми взглядами. Часто бывая за границей по торговым делам, он привозил оттуда запрещенную литературу, возможно, встречался с Герценом. Имя Жегина, как неблагонадежного лица, не раз упоминалось в доносах, которые посылались из Саратова в III отделение. Он был одним из самых активных членов либерально-демократического кружка Н. А. Мордвинова (не здесь ли кроются корни вольнодумства и внуков Тимофея Ефимовича – братьев Поповых? – Я. С.)»⁷³. Ближайший друг основателя знаменитой картинной галереи П. М. Третьякова, Т. Е. Жегин также коллекционировал произведения искусства⁷⁴.

⁷³ *Мушта А.* Отрочество Шехтеля // Памятники Отечества. 1998. № 39 (1–2). С. 108.

⁷⁴ Теплые воспоминания о Т. Е. Жегине в семейном кругу Третьяковых сохранила старшая дочь Павла Михайловича – Вера Павловна Зилоти (1866–1940), бывшая замужем за известным музыкантом А. И. Зилоти. Написанные уже в эмиграции, ее мемуары впервые увидели свет в 1954 г. в Нью-Йорке. Приведем фрагмент из этих любопытных воспоминаний, в котором, между прочим, упоминается и старшая дочь Тимофея Ефимовича – «Оленька» в момент ее женитьбы с А. М. Поповым. «Как минуло мне три года, ушла от нас няня Таня и что-то скучно стало, да и дни были серые, короткие. И слышу я как-то утром за столом, как отец говорит тете Манечке, наливавшей ему кофе, что мамочке что-то нездоровится, а погода прибавил, как он рад, что Тимофей Ефимович с женой и старшей дочкой Оленькой собирается приехать из Саратова к нам погостить. Через некоторое время, в непроглядное осеннее утро, когда еще горела над столом большая, керосиновая лампа, под которой отец читал матери между глотками кофе “Московские ведомости”, услышали мы звонок “на парадной” и снизу голос Андрея Осиповича: “Павел Михайлович, Тимофей Ефимович приехали”. Через несколько минут в столовую быстрыми шагами вошел человек среднего роста, плотный, курчавый, с проседью, с тонким носом, сияющими голубыми глазами, приветливой улыбкой, с добрым и в то же время нежным голосом. Вот каким я вижу в моей памяти, более чем через 70 лет, Т. Е. Жегина. Помню радость моих родителей, объятия, поцелуи. За Тимофеем Ефимовичем шла дама, полная брюнетка – смутили меня ее черные усики, – а за дамой шла барышня, стройная, голубоглазая, с русыми косами вокруг головы, красивая и такая милая. Т. Е. Жегин был саратовским купцом, с которым Павел Михайлович вел дела. Когда и где они подружились, до сих пор не знаю. Женат Т. Е. был на Е. Ф. Шехтель, из саратовской немецкой колонии. Было у них пять красавиц-дочек. Дядя Тима привез мне в подарок маленькие золотые ножницы. Я наглядеться не могла на них. Взяв в руки, я их больше не выпускала и, держа около уха, сжимая и разжимая их, с блаженством слушала звук трущейся стали; в конце концов, разумеется, я оцарапала себе ухо. Папа испугался, отобрал у меня ножницы и сейчас же своими длинными руками повесил их на люстру над обеденным столом; а сам вечером, вернувшись из магазина, с Ильинки, принес мне такие же золотые маленькие ножницы, но с тупыми концами. Но это были не те... Не вспомню, сколько лет висели эти ножницы у меня над головой, манили, дразнили; а папа часто, видя меня, сидящую, с глазами, устремленными на люстру, тер свой нос платком, постепенно складывая его, и с хитрой улыбкой декламировал: “Зелен, зелен виноград” или нараспев поддразнивал: “Взять Верку под сомнение давно бы уж пора”. Мне это казалось тогда очень обидным. Не могу себе представить до сих пор, откуда папа выудил эту фразу; наверное, как театрал, из какой-нибудь оперетки, подставив имя Верка.

В своем родном городе он был известен как заядлый театрал и непрменный устроитель всевозможных благотворительных концертов и вечеров. Являясь

Дядя Тима разезжал то в Саратов, то снова к нам. Вносил столько уюта, веселости. Не помню за все свое детство, чтобы мой отец так тепло и нежно относился к кому-нибудь из своих друзей. Наша дружба с Оленькой росла. Ее вывозили. Уезжая в оперу или в гости, она показывалась нам, разодетая. Ах, как она была мила, как я ее обожала! Но вдруг пришел этой радости конец. Пролетело три-четыре месяца, Жегины уехали от нас, обещали мне прислать маленькую сестрицу, и мне захотелось, чтобы ее звали Оленькой. Первого марта действительно родилась у меня еще одна сестрица, но ее назвали Любой. Я была безутешна. Лишь милая тетя Манечка сумела успокоить и утешить меня тем, что Люба будет именинницей в один день с мамочкой и со мной. Скоро мы услышали, что Оленька выходит замуж за Алекс[андра] Максим[овича] Попова, сына известного московского суконного фабриканта. Следующей осенью она привезла с собой к нам своего мужа; была мила, но это уже не была моя Оленька, в чья-то чужая. В то самое время, когда у нее родился сын Коля, у ее матери в Саратове тоже родился сын и тоже Коля (Николай Попов был на два года старше своего “дядюшки” — Николая Жегина. — Я. С.). Помню, как родители наши поехали в Саратов: мамочка моя должна была быть крестной матерью; главной же причиной поездки была долгая болезнь дяди Тимы, собственно, родители поехали его навестить, а может быть, и проститься с ним навсегда. Вскоре после крестин Коли и отъезда наших Тимофей Ефимович скончался (тут автор ошибается: Т. Е. умер за неделю до рождения сына, так что в той поездке Третьяковых в Саратов совпали и смерть, и крестины. — Я. С.). Часто, часто вспоминали наши родители своего друга» (*Зилоти В. П.* В доме Третьякова: Мемуары. М., 1982. С. 18–20). Яркий рассказ о взаимоотношениях двух задушевных друзей — П. М. Третьякова и Т. Е. Жегина создала современная исследовательница искусства И. С. Ненарокова, хорошо знакомая с архивными материалами, содержащими переписку этих замечательных людей: «Конечно, он (П. М. Третьяков. — Я. С.) не одинок; рядом — любимый брат, в Саратове — ближайший друг, тоже купец, Тимофей Ефимович Жегин. Жегин старше Третьякова, добрейшей души, неумной энергии, с сияющими голубыми глазами. О нем нельзя не написать, так как занимал он в душе Третьякова огромное место, равно как и Павел Михайлович был очень дорог Жегину. “Вы лекарство, живительный бальзам моей семьи”, — писал Третьякову саратовец. Как известно, скажи мне, кто твой друг... И тем более странной, на первый взгляд, кажется дружба этих людей, очень разных по характеру людей. Тихий, целомудренный, застенчивый Третьяков и шумный, громогласный, жизнерадостный, вечно шутящий Жегин. Что между ними общего? “Жегин жив как ртуть”, — говорила о нем Софья Михайловна (сестра П. М. Третьякова. — Я. С.). Сам он писал о себе в 1864 году: “Целый месяц я [...] был неровен: то резв, как дитя, то скучен, как сама хандра, то черт знает что такое, как сатана”. Друзья и торговые партнеры, они виделись не менее двух-трех раз в год, обязательно — на Нижегородской ярмарке, в Москве, когда приезжал в гости Жегин, в Саратове — если с визитом к другу отправлялся Третьяков, или вместе ездил в Петербург. В иное время — переписывались. Письма Жегина всегда были ярки, речь сочна, пожалуй, никто так не писал Третьякову. То выражался Тимофей Ефимович задушевно и лирично, как поэт: “Волга не думает еще сбросить с себя свое ледяное одеяло, в городе — грязь непроходимая, день пасмурный и бродящие тучи хотят разразиться дождем, в воздухе сыро. Скверно”. То остроловил на чьей-нибудь счет, как, например, об одном купце, жившем по соседству с Третьяковым: “Это именно тот самый, который перешеголял всех свиней на белом свете толщиной и делается настоящий гиппопотам. Вы, кажется, член учреждаемого зоологического сада в Москве, предложите-ка на общем собрании членов о приобретении этого зверя. Он акклиматизирован и, кажется,

членом саратовского Театрального комитета, к сцене имел почти профессиональное отношение и чутье. Вот и внук Тимофея Ефимовича — Николай Попов — уже в начале 1890-х годов оказался в числе участников самого знаменитого теперь в истории любительского театрального кружка, созданного самим будущим реформатором русского театра — Константином Сергеевичем Алексеевым (Станиславским).

О том золотом времени, когда молодые талантливые люди объединились вокруг К. С. Станиславского в Обществе искусства и литературы, уже маститый режиссер, драматург и театральный деятель Н. А. Попов в советскую пору вспоминал: «Он (Станиславский. — Я. С.) и мы, москвичи-театралы его поколения, кроме двух постоянных драматических театров — Малого и Коршевского, уже видали-перевидали гастроли таких европейских знаменитостей, как Росси, Поссарт, Коклен, Дузе, Сара Бернар, видели знаменитые спектакли мейнингенской труппы. Не меньшие впечатления получались и в области оперы, балета и оперетты — и в этих жанрах мы видели и слышали бесчисленное количество гастролеров с большими европейскими именами. “Птицы” мы были “стреляные”, и все же тайны сценического творчества нам не были до конца раскрыты, шли еще наши ученические годы. Мы поглощали всю эту театральную пищу гигантскими порциями. В моих записных книжках значится один сезон, когда у меня, юноши, хватило времени и сил побывать больше чем на 50 спектаклях. По несколько раз смотрелась одна и та же пьеса, или опера, или балет»⁷⁵.

Просматривая дневниковые записи Александра Титова, можно получить довольно полное представление о театральных пристрастиях и нашего гимназиста. За четыре месяца 1895 года (последняя запись в дневнике датирована 21 декабря) юному театралу удалось побывать на 18 (!) спектаклях. Если учесть, что имеющийся в нашем распоряжении дневник хронологически зафиксировал лишь первую половину театрального сезона, то станет вполне ясно, что семнадцатилетний юноша ничуть не отставал

плодовит. Заслуга Ваша будет великая”. Таких грубоватых шуток встречалось множество. Вроде бы не должны они были приходиться по вкусу всегда сдержанному, добропорядочному Павлу Михайловичу. Но сами письма и воспоминания близких говорят о его большой любви к Жегину. “Не помню [...] чтобы мой отец так тепло и нежно относился к кому-нибудь из своих друзей”, — писала потом старшая дочь Третьякова. Очевидно, он хорошо знал истинную доброту, честность, открытость саратовского друга. Откровенность же, как мы знаем, и у него всегда была на первом плане. Подкупала Третьякова и искрящаяся веселость Жегина. И еще тянула к нему душевная неумность, свойственная им обоим: только у одного она таилась глубоко внутри, у другого бурно прорывалась наружу» (*Ненарокова И. С.* Павел Третьяков и его галерея. М., 1994. С. 51–52). См. также: *Боткина А. П.* Павел Михайлович Третьяков. Жизнь в искусстве. М., 1993. С. 22, 32–33, 73 и др.; *Анисов Л.* Третьяков. М., 2004. С. 97–98, 104–105, 111 (серия «Жизнь замечательных людей»). Известна фотография, на которой С. М. Третьяков, брат основателя галереи, и Т. Е. Жегин «столуются», сидя за обедом и «рюмочкой».

⁷⁵ *Попов Н. А.* К. С. Станиславский в Обществе искусства и литературы // *О Станиславском. Сб. воспоминаний. 1863–1938.* М., 1948. С. 190.

от своего старшего товарища, к тому времени уже профессионально занимавшегося театральным делом. За этот непродолжительный период Саша успел посмотреть в Малом театре постановки У. Шекспира «Гамлет», Н. В. Гоголя «Ревизор», спектакли «Родина» и «Честь» модного тогда немецкого драматурга Германа Зудермана. В театре Корша он побывал на представлениях психологических драм «Нора» Генрика Ибсена, «Без вины виноватые» и «Таланты и поклонники» А. Н. Островского, и вновь на постановке «Ревизора» — уже с новым составом артистов. В Большом театре молодой человек слушал оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама», «Евгений Онегин» (трижды!), А. Г. Рубинштейна «Демон», Джузеппе Верди «Травиата» (дважды). В театре «Эрмитаж» Александр Титов, вместе со своей сестрой Варей, видел постановку знаменитой оперы французского композитора Шарля Гуно «Фауст» (именно в ней С. И. Мамонтов тогда заметил Ф. И. Шаляпина и пригласил его в свою Частную оперу, откуда стремительно начала восходить всемирная слава артиста). Не обошел своим вниманием юный поклонник сцены и Охотничий клуб на Воздвиженке, в помещении которого свои представления давали артисты-любители из Общества искусства и литературы.

Александр Титову уже в его молодые годы посчастливилось увидеть и полюбить игру многих выдающихся русских артистов — оперных и драматических исполнителей. Он слышал пение «гремевшего тогда» (по собственному выражению нашего мемуариста) баритона Павла Хохлова, потрясавшего публику драматической глубиной звучания своего голоса в партиях Демона и Евгения Онегина. Среди оперных исполнителей Большого театра наибольшей известностью пользовались Лидия Звягина (ученица Полины Виардо), Степан Власов (бас, лучший дошаляпинский Мефистофель), Лев Клементьев, Павел Кошиц, Маргарита Эйхенвальд, чьим исключительным пением был очарован ростовский юноша.

На сцене Малого театра блистали Мария Ермолова, Федор Горев (темпераментный создатель знаменитых «горевских пауз»), Елена Лешковская, Александр Ленский, Владимир Макшеев, Надежда Никулина, Осип Правдин («русский немец» Трейлебен), Константин Рыбаков, Пров Садовский, Александр Южин (Сумбатов), Серафима Яблочкина и Александра Яблочкина («вторая»), имена которых, словно педантичный театральный хроникер, Александр Титов запечатлевает в своем дневнике. Иногда он оставляет здесь свои зрительские ремарки по поводу того или иного увиденного спектакля. К примеру, о посещении «Гамлета» Саша замечает: «Роскошные декорации, и музыка в антракте Чайковского» (11 сентября). А посмотрев спектакль «Родина» с М. Н. Ермоловой в главной роли, он признается: «Ермолова мне замечательно понравилась. Она здесь лучше, чем в “Орлеанской деве”» (12 октября).

О существовавшем феномене актеров Малого театра той блестящей поры в истории русского национального театра позже вспоминал другой современник, восхищенный и заинтересованный зритель — Николай

Александрович Попов: «Ансамбль Малого театра того времени держался на крепко сыгравшейся головке труппы в лице Федотовой, Ермоловой, Медведевой, Рыкаловой, Акимовой, Садовской, Никулиной, Лешковской. Первоклассными актерами наравне с этими артистками считались Южин, Ленский, Рыбаков, Горев, Макшеев, Музиль, Правдин, Михаил Прович Садовский. Среди актеров, которых в 90-х годах было в труппе всего человек семьдесят, было немало еще недооцененных в то время настоящих дарований, но перечисленные имена “делали афишу”, на них, на их участие в новой пьесе возлагали свои надежды и драматурги, и пресса, и публика»⁷⁶.

Примечательно, что именно тогда – осенью 1895 года – произошло более тесное сближение Ан. Ал. Титова и Н. А. Попова, выразившееся в их деловом сотрудничестве. И Саша Титов тут играл, в определенной степени, роль посредника. Как один из организаторов Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Манеже, заведовавший отделом народного театра, Николай Попов пригласил Андрея Александровича стать участником этого грандиозного двухнедельного показа и представить для его экспозиции свои книжные издания, главным образом, по вопросам народного образования⁷⁷. 4 ноября Саша отметил в дневнике: «Написал письма папе и Вале и послал заявление насчет выставки от Ник. Попова». А уже через пару дней он сообщал отцу: «Получил твое письмо и передам Н. Попову, как только к ним пойду. Он уже не будет больше играть в Охотничьем, говорит, что занят выставкой, но вернее всего, что перессорились»⁷⁸.

⁷⁶ Там же. С. 191.

⁷⁷ Устройством первой Выставки народного театра, состоявшейся в рамках четвертой Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Манеже, заведовали драматург Н. И. Тимковский и Н. А. Попов. В собирании экспонатов деятельное участие принимали А. А. Бахрушин, Г. С. Бурджалов, А. Н. Веселовский, Ф. А. Куманин, Е. В. Лаврова (будущая супруга Н. А. Попова), В. А. Макшеев и другие. На выставке были представлены афиши, костюмы, декорации, бутафория, фотографии и рисунки сцен из любительских народных спектаклей, сведения о репертуаре народных театров. Экспозиция, подготовленная с большой тщательностью, впервые в таком объеме демонстрировала все начинания, предпринимавшиеся в то время в области народного театра и театра для народа (подробнее см.: История русского драматического театра. М., 1982. С. 6, 286).

⁷⁸ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1756. Л. 21. Переданное через Александра Титова письмо Ан. Ал. Титова сохранилось в личном фонде Н. А. Попова в РГАЛИ: «Многоуважаемый Николай Александрович! Вот Вам заявление. Книги пошло завтра тоже на Ваше имя. Пожалуйста, устройте все дело, чтобы были помещены и меня уведомяте. Получили ли Вы “Русский архив”? Вам хотел послать Бартенев (Петр Иванович (1829–1912) – знаменитый московский историк, археограф и издатель исторического журнала “Русский архив. – Я. С.). Преданный Вам А. Титов. XI/6 1895» (РГАЛИ. Ф. 837. Оп. 1. Д. 349. Л. 1). В ответ на полученное от Ан. Ал. Титова заявление Н. А. Попов сообщил: «Многоуважаемый Андрей Александрович! Заявление Ваше об участии на выставке уже сдано в Комитет грамотности, а сейчас я получил и квитанцию на Вашу посылку. Боюсь, как бы Ваши издания не были на выставке плохо помещены, так как Вы никакого шкафика не прислали; если выйдет по этому случаю какое-нибудь затруднение, сообщу Вам по приезде из Петербурга, куда я сегодня уезжаю. [...] “Русский архив” я получаю, благодарю Вас. Поклон всем вашим. Готовый к услугам Н. Попов» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1438. Л. 2; рукой Ан. Ал. Титова дата: «11/XI 1895»).

Действительно, страстно увлеченный идеей народных театров, адресованных широкой демократической публике, Николай Попов отойдет от кружка К. С. Станиславского, но всегда при этом будет считать себя его учеником. Да, кстати, и самая первая в истории монография о русском театральном гении, появившаяся в 1909 году, будет принадлежать перу именно Н. А. Попова⁷⁹. Идя своей дорогой в театральном деле, Николай Александрович вместе со своей будущей женой, Е. В. Лавровой, уже в 1896 году выпустят в свет сборник под названием «Народный театр», экземпляр которого будет преподнесен Ан. Ал. Титову. Предполагая и далее продолжать литературную и издательскую деятельность, сфокусированную на проблемах истории и развития демократического, самодеятельного театра, Н. А. Попов обращался к ростовскому купцу и коллекционеру с вопросом: «Может быть, разрешите когда-нибудь и в вашем чудном собрании рукописей порыться?»⁸⁰. А в 1898 году, по инициативе Андрея Александровича Титова, они будут обсуждать вопрос устройства Народного театра на Нижегородской ярмарке, разработку проекта которого на себя брал Николай Александрович Попов⁸¹. Удивительное это было время,

⁷⁹ См.: *Попов Н. А.* Станиславский и его значение для современного театра. (Опыт характеристики). СПб., 1909.

⁸⁰ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1438. Л. 3 (письмо от 19 сент. 1896 г. из Сорренто, Италия). В ответ Ан. Ал. Титов писал: «Дорогой Николай Александрович. Спасибо Вам за Ваш подарок. Книгу Вашу я получил и передал Валентине, просмотрев прежде всю сам. Книга хороша и делает честь составителям и издателям. Поздравляю Вас от души. Ольга Тимофеевна мне говорила уже и о Вашей свадьбе и о Вашем житье в Италии. Когда Вы будете продолжать издательство, то конечно, мои рукописи будут к Вашим услугам. Я купил недавно бумаги Антропова (Лука Николаевич (1843–1881) — драматург, театральный и литературный критик. — Я. С.) (автора “Блуждающие огни”), его переписку и отрывки из неизданных творений. Но главное, издайте Вы “Ночь на Рождество Христово, драму Св. Димитрия”. Совершенно оригинальный список (единственный) находится у нас в Музее. Им стоит заняться. Кланяйтесь Вашей жене. Не разживайтесь долго в Париже. Помните родину, где мало развитых людей, и она ждет от своих сынов большего, чем ей они дают. Преданный Вам А. Титов. Ростов. X/2 1896» (РГАЛИ. Ф. 837. Оп. 1. Д. 349. Л. 3–3 об.).

⁸¹ В письме из Петербурга от 2 февраля 1898 г. Н. А. Попов, в частности, извещал Ан. Ал. Титова: «С удовольствием берусь помочь Вам, чем могу, в деле устройства народного театра на ярмарке. Сначала я подумал даже предложить Вам себя в качестве организатора труппы этого будущего театра, и думал на время ярмарки, в случае надобности, переселиться в Нижний с этой целью, но “по размышленьи зрелом”, сообразил, что все это дело можно организовать совершенно особенным и более простым способом. Так как Вы не пишете, когда опять едете в Москву, и письмо это, может быть, и не застанет уже Вас в Ростове, то я отправлю на Ваше имя в Лоскутную отдельное письмо с своими соображениями по поводу устройства Нижегородского театра. Делаю я это в расчете, что заседание у Вас может состояться 8-го числа. Если же заседание будет отсрочено, напишите М. И. Шереру (управляющий гостиницей. — Я. С.), чтобы он переслал Вам мое письмо в Ростов. У меня готовится к печати одно интересное издание: “Театральные здания Невского [Общест]ва устройства народных развлечений”, там есть одно здание, которое, думаю, может быть подходяще и для Нижнего. Кажется, я буду в Москве в конце февраля или начале марта. Хорошо было бы лично переговорить о будущем театре. Не будете ли Вы тоже в это время в Москве? Поклон Вашим. Ваш Н. Попов. [...]» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1438. Л. 5–5 об.).

в воздухе которого витал манящий дух грандиозных театральных преобразований и свершений. Как тут не вспомнить о знаковом событии в истории отечественного театрального искусства – рождении МХТа, выплывшегося из Общества литературы и искусства как раз в 1898 году. Уже состоялось в июне 1897 года знаменитое «сидение» К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко в ставшем не менее знаменитым «Славянском Базаре» (где, заметим, и герои нашего повествования не раз вкусно сиживали: впервые еще мальчиком облюбовав «русскую залу» в 1890 году, Ал. Ан. Титов еще многожды в своей мирной – дореволюционной – московской жизни будет возвращаться сюда, на легендарную Никольскую улицу). 7 июля 1898 года К. С. Станиславский впервые прочтет собравшейся труппе историческую трагедию графа А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», избранную для постановки при открытии театра. А далее – уж совсем интересно... Ради этого премьерного спектакля К. С. Станиславский со своими артистами отправится в этнографическую экспедицию... в Ростов Великий. Здесь, в седых стенах знаменитого Ростовского кремля, как ему казалось, они смогут окунуться в атмосферу затерянной в веках жутковатой эпохи Ивана Грозного. О нем, возрожденном из руин Кремле и созданном в его Белой палате удивительном музее, тогда в газетах много писали, – это было поистине всероссийское событие, русский ренессанс! И новое чудо произошло...

«Так мы доехали до Ростова Ярославского, – спустя четверть века вспоминал К. С. Станиславский. – Этот интересный старинный город находится на берегу большого озера. Среди города расположен древний Кремль, с дворцом, в котором жил сам Иван Васильевич Грозный, со старинным собором, а при нем – знаменитая колокольня, прославившаяся своим церковным звоном. Этот древний Кремль находился когда-то в полуразрушенном состоянии, но явился энергичный человек и восстановил всю ростовскую старину – дворец, собор и проч. Он привел их в образцовый вид, в котором мы тогда их и застали. Там же был собран им целый музей из старинных вещей – вышивок, материй, полотенец, набоек, ковров и проч., которые ему удалось скупить и собрать по деревням и у старьевщиков. Фамилия этого замечательного человека – Шляков. Он, простой шорный фабрикант, местный купец, был почти безграмотным, что не помешало ему, однако, стать знатоком в известной области археологии, касающейся старинной набойки. Шляков любезно предложил нам ключи от дворца и от музея»⁸².

Пожалуй, не большая беда, что почетные лавры истинного вдохновителя и руководителя возрождения Ростовского кремля в устах старика

⁸² Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1980. С. 200–201. О том же вспоминал театральный художник В. А. Симов (1858–1935), автор декораций к постановке «Царя Федора Иоанновича», бывший в составе группы К. С. Станиславского, посетившей Ростов. По его словам, это именно он надоумил великого режиссера отправиться в «историко-бытовую» экспедицию в Ростов Великий, см.: Симов В. А. Воспоминания о Ростове / публ. Е. В. Ким // СРМ. Ростов, 2005. Вып. 15. С. 170–181. К. С. Алексеев (Станиславский) и другие участники экспедиции в Ростовский кремль оставили свои автографы в книге посетителей музея в Белой палате 6 июня 1898 г. (ГМЗРК. Р-866. Л. 131 об.).

Станиславского достались «простому шорному фабриканту», а не именитому купцу-археологу Ан. Ал. Титову, который-то и «приспособил» И. А. Шлякова к реставрационному делу и хранителем музея. Многим заезжим посетителям ростовской святыни они так и представлялись в тесном творческом тандеме, причем, Шляков, обладатель заветных ключей, — зачастую первым и главным. Вот ведь написал — «во-первых» — о «добром духе» Ростовского кремля Иване Александровиче Шлякове писатель и драматург Ю. Д. Беляев: «Его всегда можно найти в “Белой палате”, где он состоит хранителем музея. Это — замечательный знаток церковной старины, археолог-любитель и природный ростовец. Вышел ко мне седой, улыбающийся старичок, худощавый, зябко кутающийся в пальто. Ну, конечно, это — добрый дух! — подумал я. И у меня сейчас же сложилась фантазия: есть в Ростове один человек: днем он — седой хранитель музея, ночью — сказочная птица, что живет на кремлевской звоннице и стережет святыни...». И лишь «затем» — об Ан. Ал. Титове. «Это живой ростовский летописец. Его труды по старине родного города — ценный вклад в русскую историю. Живой, насмешливый и деловой в настоящем, он свой и в XVII веке. Церковный староста кремлевских церквей, словно был им и при ростовских митрополитах. Видите, это опять археологические фантазии, — но что делать, если здесь даже камни грезят!..»⁸³.

Впрочем, мы отвлеклись. К. С. Станиславский наверняка знал, не мог не знать о крупном местном знатоке старины Андрее Александровиче Титове, к тому же, принадлежавшем к общему для них кругу российских купцов и предпринимателей. О нем он мог слышать от своего театрального коллеги Н. А. Попова, вполне возможно, и сподвигнувшего Станиславского на экспедицию в Ростов Великий. Только вот незадача, — она по времени akurat совпала с ярмарочным «сидением» Ан. Ал. Титова в Нижнем Новгороде. Как и всегда, незаменимый Шляков не дал «провалиться» первому мхатовскому спектаклю, с успехом сыгранному в Москве 14 октября 1898 года. Так и остался Иван Александрович в благодарной памяти Константина Сергеевича, приняв на себя, сам того не ведая, некоторые исключительные заслуги Андрея Александровича⁸⁴. А то, что не жил Иван Грозный в покоях Ростовского кремля, воздвигнутого лет через сто после кровавого царя при митрополите Ионе, так это уж и совсем мелочи. Для художественного проникновения в эпоху, как говорится, все средства

⁸³ Беляев Ю. [Д.] В некотором царстве... СПб., 1907. С. 7–8. См. также: Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора / вступ. ст. С. В. Пронкина // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 114–115; Бондаренко И. Е. Пагубная страсть: из воспоминаний / публ. А. С. Федотова и А. Н. Старицына // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 2000. Вып. 2. С. 226–228.

⁸⁴ Впрочем, тут уместной другое объяснение некоторой «забывчивости» К. С. Станиславского. Вполне вероятно, когда в 1926 г. появилось первое русское издание «Моей жизни в искусстве» (на английском языке воспоминания были опубликованы в 1922 г. в США), имя ростовского купца Ан. Ал. Титова, вычеркнутое из культурного контекста страны на долгие 70 лет Советской власти, уже находилось под идеологическим запретом. В 1920 г. его сын — «белоземigrant» — новой властью был объявлен «врагом народа».

хороши, — было бы вдохновение! Ведь менял же свою «профессию» незабвенный Иван Васильевич из знаменитой советской киноленты именно здесь, — в декорациях роскошных палат, храмов и стен Ростовского кремля. И как же это у них неподражаемо получалось: вот что значит — сила искусства! А у мемуариста К. С. Станиславского «камни грезили» вновь...

«Мы не только сняли во дворце планы комнат, не только зарисовали музейные вещи, но воспользовались данным нам правом и с чисто актерской целью, а именно: хотели набраться настроения в самом дворце и решили провести там ночь. В темноте, среди тусклого освещения свечами, мы неожиданно услышали чьи-то приближающиеся шаги по каменным плитам пола. Низкая дверь покоев Грозного отворилась, и какая-то высокая фигура в монашеском облачении наклонилась, чтобы пройти, и снова выросла во весь рост. Мы узнали в ней одного из товарищей. Его появление было неожиданно и жутко, и на нас словно пахнуло суровой русской стариной. Когда этот товарищ, за костюмированный в музейные платья и ткани, проходил по длинному коридору, над аркой старинных ворот, и его свеча мелькала в окнах, бросая зловещие тени, казалось, что по дворцу гуляла тень самого Ивана Васильевича Грозного.

На следующий день, специально для нас, был назначен большой звон ростовских знаменитых колоколов. Это было нечто совершенно неслыханное. Представьте себе на верху церкви длинную, точно крытый коридор, колокольню, “звонницу”, вдоль которой развешаны всевозможных размеров и тонов большие и малые колокола. Несколько звонарей перебегают от одного колокола к другому, чтобы ударять в них, согласно репетируемому ритму. Так вызванивали своего рода мелодию многочисленных участники своеобразного колокольного оркестра. Потребовался целый ряд репетиций, чтоб достигнуть желаемой стройности и приучить людей перебегать от одного колокола к другому в определенном темпе и с соблюдением необходимого ритма.

Осмотрев Ростов Ярославский, мы отправились в другие города, а после проехали по Волге из Ярославля вниз по течению, останавливаясь в больших городах...»⁸⁵.

Однако вернемся в Москву 1895 года. 1 декабря в Манеже открылась сельскохозяйственная выставка, и Саша Титов в дневнике отметил, что Николай Попов «работает усиленно», занятый демонстрацией экспозиции народного театра. На открытие выставки из Ростова приехал Андрей Александрович с дочерью Валентиной. В это время в «Лоскутной» гостинице, проживала, уже с середины ноября, Надежда Александровна Титова, приехавшая в Москву в сопровождении Варвары. Так, все ростовское семейство (за исключением замужней Глафиры) на некоторое время воссоединилось в столице, захваченное выставочным ажиотажем (кстати сказать, И. А. Вахромеев, также участник выставки, удостоился на ней

⁸⁵ Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. С. 201.

за свою мукомольную продукцию почетного диплома⁸⁶) и занятое посещением любимых театров, походами в гости и приемом у себя различных визитеров. И первыми из них, конечно же, были Поповы.

Николай Александрович Попов и впоследствии, когда достигнет положения маститого литератора, драматурга и режиссера, будет дорожить общением и вниманием Андрея Александровича Титова. Именно с его подачи ростовский купец напечатает несколько своих популярных исторических статей в журнале «Детский отдых», одно время редактируемом Поповым. Очевидно, не без его участия знаменитая актриса Вера Федоровна Комиссаржевская, режиссером и пайщиком театра которой выступит Николай Александрович, после гастролей в Ярославле в мае 1903 года будет гостить в ростовском доме Ан. Ал. Титова. Уже в советское время Н. А. Попов возглавит на режиссерском посту, поочередно, Большой и Малый театры⁸⁷. Любопытно, что Ал. Ан. Титов, живя в эмиграции, по-прежнему будет осведомлен о фактах карьеры «при Советах» своего старинного московского приятеля.

Повстречавшись 1 декабря с отцом в «Лоскутной» гостинице, куда Саша явился из училища, они по традиции отправились отобедать в «Московский» трактир, располагавшийся неподалеку – в охотнорядском «чреве». Титовы любили сюда захаживать, где все было знакомо, уютно и вкусно. Вот и в начале сентября, когда Андрей Александрович возвращался из Нижнего, они отметили здесь Сашино 17-летие, и отец подарил ему золотые карманные на цепочке часы. А потом был день рождения Андрея Александровича, и они отпраздновали его здесь же, на следующий день после дня ангела отца – 17 октября. «Под конец пришел Барсов, – записал тогда в дневнике Саша, – с ним я спорил о религии и т.д.». Александр Титов уже в свои гимназические годы был близок со многими приятелями и коллегами своего отца из мира науки. Елпидифор Васильевич Барсов (1836–1917) – известнейший историк литературы, этнограф, фольклорист, собиратель рукописей и археограф, секретарь Общества истории и древностей российских при Московском университете и редактор его «Чтений», наставник Ан. Ал. Титова в археографии, – и после смерти ростовского купца будет помогать его сыну в подготовке к выходу в свет 6-го, посмертного, тома описания титовских рукописей (1913)⁸⁸. В библиотечных фондах знаменитой «Исторички» и сегодня еще можно видеть уникальный экземпляр этого издания с трогательной дарственной надписью: «Елпидифору Васильевичу Барсову от любящего и признательного Александра Титова»⁸⁹.

⁸⁶ См. об этом в газетной рубрике «Последняя почта» (Москва, 12 декабря): ЯГВ. 1895. Ч. н. № 268. С. 2.

⁸⁷ См.: *Заскальный С. Д.* Николай Попов. М., 1927; *С. Г. Попов Николай Александрович* // Театральная энциклопедия. М., 1965. Т. 4. Стб. 437; *Дмитриев Ю.* Академический Малый театр. 1917–1941. М., 1984. С. 160–161, 228.

⁸⁸ См.: *Титов Ан. Ал.* Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании члена-корреспондента Императорского Общества любителей древней письменности А. А. Титова. Т. 6: Сборники и рукописи Бодянского, прот. Диева и Мельникова-Печерского / изд. Ал. Ан. Титова. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1913. VIII, 405 с.

⁸⁹ См.: *Смирнов Я. Е.* Андрей Александрович Титов (1844–1911). С. 216–217.

За обедом в трактире, согласно старозаветному обычаю, отец и сын на перебой обменивались последними ростовскими и столичными новостями, обсуждали общие хозяйственные и семейные дела. Саша уже давно и охотно выполнял различные поручения Андрея Александровича, зачастую он оказывался незаменимым помощником и советчиком своему отцу. Еще в 1893 году, разведав в лучших московских магазинах, какая пишущая машинка является наиболее передовой, Саша настаивал, чтобы отец «взял машину “Hammond”». «Машина имеет 2 вида [...], – сообщал он в письме Андрею Александровичу, – “Универсаль”, у которой буквы расположены прямо в три ряда, и “Идеаль” с полукруглым алфавитом. Я советую взять тебе “Универсаль”, потому что на ней удобнее и скорее писать. Цена машины с 1 алфавитом 225 руб. Если захочешь взять еще другой, то приплачивать 20 р[ублей]. Я советую кроме русского взять еще французский, а если хочешь, то и немецкий. Впрочем, по-немецки можно писать и французским алфавитом»⁹⁰. Похоже, в этих дельных советах отцу содержался и Сашин дальновидный профит!

Из самых последних новостей они наверняка тогда поминали письмо от лейпцигского книгопродавца Карла Гирземана, пришедшее в 20-х числах ноября на имя Александра Титова в Петропавловское училище. Дней за десять до этого Саша по просьбе отца написал письмо этому крупнейшему европейскому букинисту (постоянными клиентами которого вскоре станут оба Титова) и приложил только что изданный справочник – «Предметный перечень книг на языках: греческом, латинском, польском, чешском, французском, немецком, английском и итальянском в ярославской библиотеке Ивана Александровича Вахромеева (966 книг)» (Сергиев Посад, 1895), составленный старшей дочерью Андрея Александровича – Глафирой Кегель. В полученном из Лейпцига ответе, вслед за выражением благодарности за доставленную книгу, говорилось (очевидно, к некоторой досаде владельца книжного собрания), что «в библиотеке Вахромеева очень много прекрасных книг, но таких, которые для знатока или ученого были бы редкостными, там совсем нет»⁹¹.

Другой животрепещущей для Александра темой в их разговорах, безусловно, было имение Петровское, где они с отцом задумали произвести грандиозные перемены (во второй половине октября им удалось коротко побывать там, где они ходили на охоту, верхом объезжали владения, и Саша вновь предавался своему любимому фотографированию). Ан. Ал. Титов, отправляясь на сельскохозяйственную выставку в Москву, впервые захватил с собой в первопрестольную и молодого управляющего имением, которого он весной 1895 года «приспособил» в Петровском. Энергичный и талантливый крестьянин Василий Александрович Горяченков (специально выученный Титовым в сельскохозяйственной школе), во многом благодаря усилиям и верной службе которого запущенное было имение

⁹⁰ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1755. Л. 3–3 об. (письмо от 12 февр. 1893 г.).

⁹¹ Там же. Д. 1756. Л. 15 (письмо от 30 нояб. 1895 г.)

уже вскоре превратится в образцовое хозяйство, на протяжении более 30 лет будет являться образцовым управляющим Петровского, и даже в советское время, когда экспропрированное у прежних владельцев имение перелицуется в совхоз под незамысловатым именем «Красный Октябрь», он будет оставлен новыми хозяевами жизни его директором⁹².

Уже с начала сентября 1895 года, снова оказавшись в Москве, Александр затеял активную переписку с Горяченковым, в которой постоянно справлялся о состоянии строительных дел и сельскохозяйственных работ в имении. Юноша по просьбе управляющего закупал в специализированных московских магазинах («у Иммера») саженцы фруктовых деревьев, ульи для пасеки, всевозможный рабочий инвентарь, и даже занимался оптовым сбытом в Москве сливочного масла – «голландского» или «русского» топленого, в бочоночках, – производимого в Петровском. 3 декабря, после посещения Манежа, Александр записал в дневнике: «Пришел домой и узнал, что Вас[илий] Ал[ександрович] тоже был на выставке. Меня, конечно, очень огорчило, что мы с ним не встретились». Однако эта досада была вполне компенсирована на следующий день. Встретив В. А. Горяченкова в «Лоскутной», они отправились вдвоем «к Бландову к Никитским воротам, затем поехали к Красным воротам к Юсупову насчет поросенка (т.к. тот, которого купили в мае, околел)». А вечером того же дня они все вместе, в компании с Андреем Александровичем, вновь «пошли на выставку, ходили там до 10 час[ов], посмотрели хорошенько», – удовлетворенно отмечал наш герой. Это универсальное сочетание различных интересов, органично сплавлявшееся в сознании юноши в стройную систему жизненных приоритетов и практических действий, отныне всегда будет выступать в качестве отличительной черты его незаурядной натуры.

Тем временем жизнь в Москве всего семейства Титовых была подчинена насыщенному ритму разнообразных культурных свершений столицы, в которых театру отводилось первенствующее место. 3 декабря Надежда Александровна и Андрей Александрович с детьми – Валентиной, Варварой, Алей и Александром – отправились на «Пиковую даму» в Большой театр, открывшийся в этот день после двухмесячного ремонта (до этого оперные и балетные спектакли давались на сцене Малого театра). Семейная страсть к драматическому и оперному искусству, классической музыке, – практически все члены семьи неплохо играли на каком-либо музыкальном инструменте, а Аля специально училась еще и вокалу, – превращала театр в восприятии провинциальной купеческой семьи не просто в модное увлечение, а в целый священный ритуал, образ жизни. Московское культурное окружение Титовых, как видим, этому немало способствовало. А, кроме того, посещение театра, конечно же, являлось едва ли не лучшим способом «увидеть всех красавиц из общества» (как однажды выразился в своем юношеском дневнике Александр Титов), повстречать старых друзей и завести новые интересные знакомства.

⁹² Подробнее см.: Мельник Л.Ю. Жизнь Горяченкова // Спасский бульвар: альманах. Ростов, 2000. С. 9–20.

На следующий день, накануне возвращения супругов Титовых в Ростов, Надежда Александровна устроила в «Лоскутной», по случаю именин Варвары, небольшой дружеский прием. На нем, среди прочих гостей, присутствовал и Николай Тимофеевич Жегин, прибывший сюда вместе со своим квартирным постояльцем Александром Титовым. Жегин являлся превосходным пианистом, и в его исполнении на том вечере, можно вообразить, звучала поистине волшебная музыка. А когда мать с дочерью навещали Сашу в его московской квартире, то, как он отмечал в дневнике, «Варя играла на рояле Ник[олая] Тим[офеевича]» (28 ноября). Между прочим, и сам Александр частенько проводил время за игрой на этом инструменте, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания его дневника. Однако самый вдохновенный семейный концерт в исполнении пианиста Жегина, очевидно, мог состояться 30 ноября – в день его рождения. «Вечером начали сходить гости», – несколько театрально тогда обрисовал ситуацию Александр Титов. Кроме Владимира и Сергея Поповых (кстати, Сергей Александрович (1872–1942), на год младше Н. А. Попова, также имел самое непосредственное отношение к Обществу искусства и литературы, являясь старшиной Охотничьего клуба и принимая участие в спектаклях любительского кружка, а в начале XX века он будет тесно сотрудничать с К. С. Станиславским в деле создания театральных студий в Москве) поздравить своего любимого и единственного брата явились его сестры – Ольга Тимофеевна, Елизавета Тимофеевна, Наталья Тимофеевна, а также Вера Тимофеевна – на правах гостеприимной хозяйки дома.

Тут самое время нам немного подробнее рассказать о Н. Т. Жегине (1873–1937), в квартире которого целых два гимназических года проживал Александр Титов, и дружбой с которым он немало дорожил. Николай родился в Саратове, спустя неделю после кончины своего отца – Т. Е. Жегина. Через два года вдова купца, Екатерина Францевна Жегина, с маленьким сыном и старшими дочерьми навсегда перебралась в Москву⁹³. Вероятно, этому поспособствовала старшая дочь Жегиных – Ольга Тимофеевна, в 1870 году вышедшая замуж за А. М. Попова, сына богатого московского фабриканта, и с тех пор проживавшая в столице. Когда Саша Титов поселился в квартире у Жегиных, Николай – 22-летний музыкально одаренный молодой человек – учился в Московской консерватории, и Александр исключительно почтительно называл его – «Николай Тимофеевич».

На то у юного Титова, надо признать, были все основания. Позднее имя Н. Т. Жегина – видного деятеля русского музыкального искусства – надежно пропишется в истории отечественной культуры⁹⁴. И в зрелые годы его жизнь и деятельность были неразрывно связаны с Московской консерваторией. Являясь правителем дел и помощником библиотекаря учебного заведения, он был одним из самых активных членов общества

⁹³ См.: *Мушта А.* Отрочество Шехтеля. С. 108, 110.

⁹⁴ См.: *Ямпольский И. М.* Жегин Николай Тимофеевич // Музыкальная энциклопедия. М., 1974. Т. 2. Стб. 389; *Кириченко Е. И.* Большая Садовая, 4. М., 1989. С. 68–71.

Музыкально-теоретическая библиотека. Огромна была его заслуга по собиранию рукописного наследия выдающихся музыкантов и композиторов, чьи материалы составили основу созданного им при консерватории музея имени Н. Г. Рубинштейна. В 1914–1920 годах Н. Т. Жегин занимал пост секретаря Московского отделения Русского музыкального общества⁹⁵.

Однако главнейшая заслуга Н. Т. Жегина перед отечественной культурой была связана с великим именем П. И. Чайковского. Именно ему обязан своим существованием музей композитора в подмосковном Клину, успешно действующий и в наши дни. В 1916 году, согласно завещанию Модеста Ильича Чайковского, брата композитора, Николай Тимофеевич Жегин был назначен хранителем музея. В самом этом незаурядном факте было выражение признания исключительных заслуг Жегина по собиранию и сохранению документов о жизни и творчестве П. И. Чайковского. Как впоследствии вспоминал виднейший деятель русской музыкальной и театральной культуры князь С. М. Волконский, «после Модеста Ильича родственники испытали разочарование: клинская дача по завещанию переходила в собственность Московского отделения Русского музыкального общества для летнего пребывания артистов. Библиотека, архив и музей спасены от посягательства революционной “культуры” стараниями секретаря консерватории, Николая Тимофеевича Жегина»⁹⁶. И действительно, явившиеся вскоре революционные времена несли с собой новые «разочарования». На повестку дня был поставлен вопрос о самой целесообразности существования музея и занятии его «бесполезных» помещений под какое-нибудь советское учреждение. Многие тогда пришлось испытать и пережить Жегину, чтобы отстоять музей. В 1919 году совместно с композитором М. М. Ипполитовым-Ивановым он организовал Общество друзей Дома-музея П. И. Чайковского. В результате этих усилий в 1921 году появился декрет председателя Совнаркома В. И. Ленина о национализации музея. Признавшее просветительские заслуги Н. Т. Жегина государство назначило его в 1923 году заведующим, а в 1926-м – директором клинского музея. Увлеченно и самоотверженно занимаясь музейно-организационной работой, Николай Тимофеевич продолжал активно собирать и изучать творческое наследие П. И. Чайковского. Ему принадлежит заслуга публикации дневников композитора (М., 1923), интереснейшей переписки с известной меценаткой Надеждой Филаретовной фон Мекк (т. 1–3; М., 1934–1936) и других материалов⁹⁷. Будучи талантливым пианистом,

⁹⁵ См., например, его переписку на этом посту с С. В. Рахманиновым: С. В. Рахманинов. Письма / ред., вступ. статья и коммент. З. Апетянц. М., 1955. С. 450–452.

⁹⁶ Волконский С. М. Мои воспоминания. В 2-х т. М., 1992. Т. 1. С. 73.

⁹⁷ См.: Дневники П. И. Чайковского / подгот. к печати И. И. Чайковского. Предисл. С. Чемоданова. Примеч. Н. Т. Жегина. М.; Пг., 1923. В новом издании дневников П. И. Чайковского, где также использованы примечания Н. Т. Жегина, его имя странным образом даже не упоминается, впрочем, как не упоминаются и имена всех составителей первого издания, непосредственно работавших с рукописью дневников, см.: *Чайковский П. И. Дневники* / ред.-сост. Т. Чугунова;

Н. Т. Жегин сам исполнял произведения Чайковского на общедоступных музыкальных вечерах в музее, приглашал для участия в концертах других известных исполнителей.

В юбилейном адресе, поднесенном Н. Т. Жегину в 1926 году виднейшими деятелями русской музыкальной культуры – Л. В. Собиновым, А. В. Неждановой, В. Я. Шебалиным, А. Д. Кастальским, И. И. Чайковским и другими, говорилось: «Десять лет тому назад Модест Ильич Чайковский с присущим ему артистическим чутьем и пониманием людей предвидел в Вас достойного своего преемника по созданию Дома-музея Петра Ильича Чайковского, небывалого у нас памятника жизни и творчества гениального композитора. Вы с честью доказали, что выбор этот не был случайностью. Пусть специалисты по собиранию и хранению художественных и исторических меморий оценят Вас как музейного деятеля, мы же, члены Общества друзей Дома-музея [...] не можем в настоящий день не вспомнить с радостью и благодарностью Вашу живую энергию, Вашу беззаветную преданность нашему Музею. Были дни, когда Музею грозило разрушение. Вы явились его стойким охранителем в эти трудные часы его существования. Этому делу сохранения, развития, наконец, утверждения в общественном сознании Музея Вы отдали все свои силы и способности, и, несомненно, благодаря Вам, главным образом, он за эти годы обогатился многочисленными ценными экспонатами бытового значения, редкими и выдающимися материалами по изучению творчества Чайковского»⁹⁸.

В 1936 году, к новому юбилею музейной деятельности Николая Тимофеевича Жегина, когда повсеместно разворачивалась очередная идеологическая чистка деятелей культуры, не нашлось «стойкого охранителя» уже над его собственной судьбой. В архивных материалах уцелело последнее письмо Н. Т. Жегина, адресованное его племяннику – режиссеру Н. А. Попову. 23 августа 1936 года он писал: «Дорогой Коля, очень извиняюсь, что задержался с ответом на твое письмо с вырезкой из газеты “Рабочая Москва”. Начался целый поход против меня! Как все дело повернется, трудно сказать, но вернее всего, что меня снимут с занимаемой мною должности. После 20 лет работы в память Чайковского, конечно, мне очень тяжело все это переживать». В конце письма содержится поздняя приписка, сделанная Н. А. Поповым: «Дядя умер 1 апр[еля] 37 г. См[отри] мои дневники о его реабилитации, о которой он так до смерти и не узнал»⁹⁹. Страшное было время, бессмысленные жертвы!

И разве могли они – Александр Титов и Николай Жегин – представить

ред.-сост. серии И. Владимиров. М.: «Наш дом – l'Age d'Homme»; Екатеринбург: «У-Фактроия», 2000 (мемуарная серия «Песочные часы»); П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк / ред. и примеч. В. А. Жданова и Н. Т. Жегина; вступ. ст. Б. С. Пшибышевского. М.; Л.: «Academia», 1934–1936. Т. 1–3.

⁹⁸ Цит. по: *Кириченко Е. И.* Большая Садовая, 4. С. 70–71.

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 837. Оп. 2. Д. 392. Л. 42. Н. Т. Жегин был похоронен на Введенском кладбище в Москве.

в том далеком 1895 году, когда с интересом «разговаривали насчет политики» (запись в дневнике Александра от 7 октября), какова в будущем уготована судьба им и их стране? Молодую интеллигенцию заботило бесправное положение российского крестьянства. По вечерам они читали вслух книги узника Петропавловской крепости, писателя-народника Н. М. Астырева (1857–1894) — «В волостных писарях» и «На таежных прогалинах», рисовавшие правдивые картины несчастной крестьянской жизни¹⁰⁰. Тяжелая судьба самого писателя, умершего в июне 1894 года в московской клинике нервных заболеваний, похороны которого превратились тогда в народную демонстрацию протеста, также не меньше волновала друзей. Отправляясь на прогулку в живописный Петровско-Разумовский парк, где приятели наслаждались красотой окрестных речушек, рощиц и лесов, любили кататься в лодке по Большому Садовому пруду, они брали с собой книги любимого Сашинного историка и философа Николая Кареева, и вновь зачитывали их друг другу вслух. Через все его произведения красной нитью проходила привлекавшая друзей идея о преобладающей роли личности в истории. Именно тогда они решили вместе записаться в Петровскую библиотеку, существовавшую при академии. Очевидно, здесь можно было найти и получить на дом те книги, которые были недоступны молодым людям в других библиотеках¹⁰¹.

Впрочем, совершенно не следует думать, что вся жизнь в доме Жегиных только и бурлила «политическими разговорами», которые, в общем-то, являлись обычной приметой жизни московской демократической молодежи 1890-х годов. Помимо любви к искусству и литературе, оба товарища испытывали большую страсть к шахматной игре, и их совместные турниры завершались порой далеко за полночь. Однажды накал шахматных страстей достиг таких пределов, что все «кончилось тем, что чуть было не подрались» (16 октября). Известие же о том, что Николай Тимофеевич «взял 1-й урок музыки у Рахманинова» (2 октября), Александр Титов поместил в своем дневнике как особенной важности событие.

Однако не только музыкант Н. Т. Жегин, не говоря уже о театралье Н. А. Попове, служили в те годы ростовскому юноше проводниками в вол-

¹⁰⁰ См.: *Астырев Н. М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886; *Он же.* На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891.

¹⁰¹ Как отмечает А. И. Кузнецов, автор книги о Петровской «студенческой вольнице», здесь «всегда были сильны демократические тенденции. Не говоря уже об огромном потоке революционной литературы, различными путями проникавшей в Петровку, библиотека вполне легально выписывала прогрессивные журналы “Современник” и “Отечественные записки”. Как только появился в России “Капитал” Маркса, профессор химии П. А. Ильенков начал его изучать. А через несколько дней после смерти Карла Маркса студенты академии послали телеграмму в Лондон с просьбой возложить венок на могилу основоположника научного коммунизма с надписью: “Борцу за права рабочих в теории и за осуществление ее в жизни”» (*Кузнецов А. И.* Литературное Петровско-Разумовское. (Страницы хроники). М., 1963. С. 10–11).

шебный мир искусства. Проживавшая в одной квартире вместе с братом Вера Тимофеевна Жегина, будучи профессиональным библиотекарем, также являлась большой любительницей и знатоком искусства, а живописного — в особенности. Как-то после посещения в компании с В. Т. Жегиной Третьяковской галереи Саша (где он не раз до того бывал) восторженно записал: «На меня картины произвели сильное впечатление. Вообще, думаю заглянуть туда еще не раз. Некоторые картины и лица стоят перед глазами» (26 сентября). Став в начале XX века библиотекарем знаменитого Строгановского училища, В. Т. Жегина более 30 лет своей жизни отдала работе в его библиотеке, и также в тяжелейшие времена разрухи 1917–1922 годов встала на защиту ее книжных фондов от варварского уничтожения, влившихся в новое образовательное учреждение — Вхутемас. И как свидетельство о той небывало трансформирующейся эпохе уцелел документ, подписанный в 1925 году ректором Вхутемаса — известным художником В. А. Фаворским, о присвоении В. Т. Жегиной звания «героя труда»: «Товарищу Вере Тимофеевне Жегиной... В день столетнего юбилея существования художественно-промышленного образования и пятилетия ныне возглавляющего его сеть в Республике — Высших Государственных Художественно-Технических Мастерских (ВХУТЕМАС), правление, ячейка РКП(б) и Местный Комитет рабочих и служащих в настоящий памятный день отмечает тебя как ГЕРОЯ ТРУДА и вручает тебе настоящий скромный адрес»¹⁰². Позже В. Т. Жегина помогала своему брату в подготовке к изданию переписки П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк, вычитывая огромное количество рукописных подлинников.

Наш рассказ о московском семейно-дружеском окружении гимназиста Александра Титова не был бы полным, если не вспомнить еще одну примечательную фамилию. Не раз Саша в своем дневнике упоминает семейство Шехтелей. То наш герой обедает в их доме на Петербургском (Петровском) шоссе, когда бывает в Петровском парке, то сами супруги Шехтели или их дети гостят и обедают у Жегиных. Вот Александр в один из дней забегает к Шехтелям в квартиру на Тверской, чтобы передать им театральные бинокль Веры Тимофеевны, так как «они идут на Коклена» — гастролирующую в Москве мировую знаменитость, актера парижского театра «Комеди Франсез» (26 ноября). Во всех этих упоминаниях речь идет о семье прославленного отечественного архитектора Федора (Франца Альберта) Осиповича Шехтеля (1859–1926)¹⁰³.

Все дело в том, что Шехтели и Жегины состояли в тесном семейном родстве¹⁰⁴. И те и другие происходили из Саратова. Богатая немецкая купеческая семья Шехтелей обосновалась в этом губернском городе еще в 1820-х годах.

¹⁰² Цит. по: *Кириченко Е. И.* Большая Садовая, 4. С. 68.

¹⁰³ См. о нем: *Кириченко Е. И.* Федор Шехтель. М., 1973; *Она же. Ф. Шехтель (1859–1926)* // Зодчие Москвы. М., 1981. Кн. 1. С. 276–287; Шехтель Федор Осипович // БСЭ. М., 1978. Т. 29. С. 394; *Артамонов М. Д.* Московский Некрополь. М., 1995. С. 44–45 (о захоронении семьи Шехтелей на Ваганьковском кладбище).

¹⁰⁴ См.: *Мушта А.* Отрочество Шехтеля. С. 105–111.

Т. Е. Жегин был женат на дочери старшего из братьев, купца 1-й гильдии Франца Осиповича Шехтель, — Екатерине Францевне. Таким образом, уже знакомая нам Е. Ф. Жегина, чьей дочерью была О. Т. Попова, приходилась родной бабкой всем детям Поповым. Более того, когда в феврале 1867 года скончался один из братьев, Осип Осипович Шехтель — отец будущего архитектора, а через два месяца умер и Франц Осипович Шехтель, именно Т. Е. Жегин взял на себя заботу о воспитании оставшихся после О. О. Шехтеля его бедствующих детей. И Федор Шехтель в какой-то степени заменил Тимофею Ефимовичу его рано умершего старшего сына, с которым они были ровесниками. По рекомендации Е. Ф. Жегинной Дарья Карловна Шехтель, мать Федора, была определена экономкой в семью Павла Михайловича Третьякова, и в 1871 году переехала с одной из своих дочерей на постоянное жительство в Москву¹⁰⁵. А в 1875 году вместе с овдовевшей Е. Ф. Жегинной и ее детьми в столицу перебрался и Федор Шехтель. Но и этими довольно подробными перечислениями тесные родственные узы Шехтелей и Жегинных далеко не исчерпываются. В 1887 году Федор Осипович Шехтель женился на младшей из дочерей Жегинных — Наталье Тимофеевне. И с ней нам однажды уже довелось повстречаться на дне рождении у Н. Т. Жегина.

Архитектор Ф. О. Шехтель был фигурой в Москве примечательной. Еще со времени учебы в Училище живописи, ваяния и зодчества он оказался тесно связан с семьей Чеховых, будучи соучеником и другом брата Антона Павловича — Николая. Другой из братьев, Михаил Павлович Чехов, о Федоре Осиповиче позднее вспоминал: «Очень изобретательный и одаренный от природы прекрасным, общительным характером, Шехтель скоро обогнал своих сверстников, и уже в 1883 году на большом народном гулянье на Ходыньском поле в Москве по случаю коронации Александра III по его рисункам была выполнена грандиозная процессия “Весна-красна”, и с тех пор его популярность стала возрастать с каждым днем. В антрепризе известного Лентовского в его саду “Эрмитаж” и в театре на Театральной площади Шехтель ставил головокружительные феерии, которых до него не знал еще ни один театр. Достаточно указать на “Путешествие на Луну” и на “Курочку — золотые яички”, где Шехтель удивлял публику всевозможными сценическими трюками. Ему принадлежит масса построек в Москве и в провинции. Между прочим, он принимал деятельное участие в постройке Верхних торговых рядов в Москве, и, наконец, ему принадлежит здание Московского Художественного театра, за постройку которого он был удостоен звания академика архитектуры. После смерти брата Николая Шехтель перенес свою дружбу на Антона Павловича и всегда считал его своим лучшим другом»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ См.: *Боткина А. П.* Павел Михайлович Третьяков. Жизнь в искусстве. С. 256.

¹⁰⁶ *Чехов М. П.* Вокруг Чехова. Встречи и впечатления // Вокруг Чехова / сост., вступ. ст. и примеч. Е. М. Сахаровой. М., 1990. С. 310–311. См. также о дружбе А. П. Чехова и Ф. О. Шехтеля: *Белютин Э.* Этот «чудесный наш Финь-Шампань!» Федор Осипович Шехтель (1859–1926) / лит. запись Н. Молевой // Москва. 2003. № 3. С. 200–205.

Уже в те юношеские годы Александр Титов близко общался с детьми Ф. О. Шехтеля, в том числе и с его еще совсем маленьким сыном Лёвой, родившимся в 1892 году. Впоследствии он будет носить фамилию своей матери, взятую в 1914 году — сразу после начала войны с Германией. Имя Льва Федоровича Жегина (1892—1969) также в историю отечественной культуры и искусства¹⁰⁷. Учась в юные годы в Училище живописи, ваяния и зодчества (как и его сестра — Вера Федоровна (1896—1958), впоследствии носившая фамилию Шехтель-Тонкова), Лев был близко дружен с занимавшимся в том же училище «гениальным юношей», художником Василием Чекрыгиным (1897—1922), который фактически также являлся членом семьи Шехтелей. Вместе с другим их закадычным другом по училищу, Владимиром Маяковским, друзья оформили первый сборник стихов поэта «Я!», изданный в 1913 году литографическим способом в количестве 300 экземпляров¹⁰⁸. Льву Жегину в этом уникальном футуристическом сборнике принадлежит нарисованный им знаменитый «эскизный» портрет В. В. Маяковского в широкополой шляпе, один из самых ранних в иконографии поэта. После революции Л. Ф. Жегин и В. Н. Чекрыгин вместе с другими их единомышленниками объединятся в ставшую широко известной группу молодых художников «Маковец» («Искусство — жизнь») — сторонников символического, «фигуративного» искусства. В последующие десятилетия художник, мыслитель и ученый Л. Ф. Жегин с увлечением занимался изучением семантики искусства, исследованием перспективы (так называемой «обратной перспективы») и композиции древней живописи, и, прежде всего, древнерусской иконописи. Спустя год после смерти ученого в издательстве «Искусство» вышел труд всей его жизни — «Язык живописного произведения. (Условность древнего искусства)»¹⁰⁹.

К слову заметим, упомянутое сотворчество молодых людей — Жегина, Чекрыгина и Маяковского — происходило в особняке Шехтелей,

¹⁰⁷ См. о нем: *Завадская Е.* О творчестве художника Л. Ф. Жегина // *Искусство*. 1976. № 3. С. 38—42; Жегин (Шехтель) Лев Федорович // *Художники народов СССР: Биографический словарь*. М., 1983. Т. 4. Кн. 1. С. 95—96; *Кириченко Е. И.* Большая Садовая, 4. С. 63—65.

¹⁰⁸ См. подробнее: *Молок Ю.* «Я!» В. В. Маяковского с рисунками В. Чекрыгина и Л. Ш. // *Памятные книжные даты*: 1988. М., 1988. С. 275—282; *Мурина Е., Ракитин В.* Василий Николаевич Чекрыгин. М., 2005. С. 14. О посещениях друзьями Петровско-Разумовского парка, в сопровождении сестры Льва Шехтеля — Веры Федоровны Шехтель, см.: *Кузнецов А. И.* Литературное Петровско-Разумовское (страницы хроники). С. 74; *Шехтель В. Ф.* Моя встреча с Владимиром Маяковским // *Литературное обозрение*. 1993. № 6. С. 34—42. Л. Ф. Жегину принадлежат воспоминания о Чекрыгине и Маяковском, см.: *Жегин Л. Ф.* Воспоминания о В. Н. Чекрыгине / ред., предисл. и коммент. Н. И. Харджиева // *Панорама искусств*. М., 1987. [Вып.] 10. С. 195—232 (то же в кн.: *Харджиев Н. И.* Статьи об авангарде. М., 1997. Т. 1. С. 172—201).

¹⁰⁹ См.: *Жегин Л. Ф.* Язык живописного произведения. (Условность древнего искусства) / предисл. Б. А. Успенского. М.: «Искусство», 1970. Здесь же на стр. 231 помещена краткая биография автора.

который и ныне красуется в Москве по адресу — Большая Садовая, 4. Спроектированный Ф. О. Шехтелем, он был возведен в 1910 году (на месте прежнего строения, принадлежавшего Шехтелям). С этим во всех отношениях примечательным домом связаны биографии не только членов семьи зодчего, где они жили и работали, но и его родственников. В доме-студии, стоявшем во дворе главного особняка, еще с начала века поселились Н. Т. Жегин и В. Т. Жегина¹¹⁰. Позже, когда Николай Тимофеевич переехал на жительство в Клин, он, часто приезжая в Москву, всегда останавливался у сестры, которая в корпусе внутреннего дворика продолжала жить вплоть до 1936 года. Именно здесь она помогала своему брату готовить к публикации эпистолярное наследие П. И. Чайковского. До 1922 года в доме Шехтелей проживала Вера Александровна Попова (1882–1970) — единственная дочь О. Т. и А. М. Поповых. Будучи талантливым скульптором и графиком, она работала в импрессионистической манере, была участницей многочисленных авангардных выставок в Москве, в том числе знаменитой — «Мир искусства» (1913). Впрочем, от той поры осталась известной ее работа, выполненная в строго классическом духе. До сих пор на Новодевичьем кладбище в Москве можно видеть созданное скульптором надгробие на могиле известной артистки МХТа М. Г. Савицкой-Бурджаловой. Возможно, именно этой художнице, как полагают исследователи, принадлежит барельеф, помещенный над входной аркой дома на Садовой. Однако большую известность В. А. Попова приобрела в Париже, куда уехала после большевистской революции, в оформлении русских балетов С. П. Дягилева, и сотрудничая с художником И. Я. Билибиным. Нет сомнения, что пути В. А. Поповой и Ал. Ан. Титова не раз пересекались в «русском Париже», и они наверняка припоминали стародавнюю уютную и живую атмосферу бесконечного творчества дома Поповых на Рождественке и этого замечательного особняка на Большой Садовой. Ведь не случайно исследовательница жизни и творчества выдающегося архитектора эпохи модерна Федора Шехтеля Е. И. Кириченко одну из глав своей книги об этом московском особняке назвала — «Шехтели—Жегины—Поповы. Жизнь в искусстве». Трудно не согласиться с весьма метким определением автора, что «дом Шехтеля на Большой Садовой без всякого преувеличения был своеобразным средоточием искусств»¹¹¹.

С Ф. О. Шехтелем, очевидно, довольно близко общался и Ал. Ан. Титов. В сентябре 1896 года Александр Титов в ответ на полученные от отца некие

¹¹⁰ В Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде Н. А. Попова нам встретилась визитная карточка Николая Тимофеевича Жегина 1903 г. с адресом: Большая Садовая, 4.

¹¹¹ Кириченко Е. И. Большая Садовая, 4. С. 62. Следует вспомнить еще одну выдающуюся представительницу этого родственного союза талантливых самородков — Любовь Сергеевну Попову (1889–1924). Дочь одного из братьев Поповых, Сергея Александровича, оставила выдающийся след в истории русского искусства. Художник-авангардист, она была последовательницей К. С. Малевича, являлась членом его группы «Супремус». Муж Л. С. Поповой — историк искусства Б. Н. фон Эдинг (1889–1919), уроженец Ростова Великого.

фотографические снимки сообщал ему: «Фотографии отнесу к Шехтелю сам»¹¹². Возможно предположить, что это были изображения архитектурных памятников Ростова или каких-то других местных древностей, специально подготовленные Андреем Александровичем по просьбе архитектора. Это предположение тем более уместно, так как именно в сентябре 1896 года Ф. О. Шехтель приступил к преподавательской деятельности в Строгановском училище, где виды древнерусских памятников могли пригодиться начинающему педагогу в его работе со студентами. Впрочем, архитектурная карьера Федора Шехтеля уже совсем скоро заявит о себе во всю мощь и ширь. На рубеже веков в Москве появится целый ряд созданных им выдающихся памятников, поставивших имя их автора во главе всего русского архитектурного модерна. В 1901 году с грандиозной помпой на Старой площади откроется роскошная гостиница «Боярский двор», и Надежда Александровна Титова сразу же предпочтет ее старомодной «Лоскутной». Другой архитектурный шедевр Шехтеля – Ярославский вокзал на Каланчевской площади – доктор философии Лейпцигского университета Александр Титов впервые обозрит в 1904 году, возвращаясь из-за границы домой. Ярчайший образец стиля модерн виртуозно будет сочетать в себе сказочные мотивы древнерусской архитектуры XVII столетия, и внимательный зритель без особого труда угадывал в них величественный облик старинных палат и храмов Ростова Великого.

С лета 1896 года в семейном бизнесе Титовых наметились существенные перемены. Ан. Ал. Титов и И. А. Вахромеев решили организовать совместное промышленное предприятие на основе традиционного ростовского сельскохозяйственного продукта – цикория. Причем, инициатива исходила, по всей видимости, именно от Андрея Александровича, сумевшего убедить своего расчетливого родственника-миллионера в выгодной прибыльности новой для него сферы капиталовложения – цикорного производства. Если сегодня заглянуть в знаменитый Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, вышедший на рубеже XIX–XX веков, то можно выяснить, что «разведением цикория в России занимаются, главным образом, в Ростовском и отчасти в смежных с ним уездах Ярославской губ., где все производство сосредоточено преимущественно в руках крестьян, составляя весьма важную отрасль их хозяйства»¹¹³. Выходит, что широко распространенный и ныне цикорный напиток, в каком-то смысле заменяющий кофе (особенно в этом преуспела советская эпоха, хитроумно восполнявшая непреодолимый кофейный дефицит), свое триумфальное шествие по России начал именно из Ростова Великого. До указанного срока крестьяне, выращивавшие «золотой» корень, обслуживали паровую цикорную фабрику местного ростовского купца-предпринимателя А. П. Селиванова. Несмотря

¹¹² ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1756. Л. 41 (письмо без даты; очевидно, между 14 и 22 сент. 1896 г.).

¹¹³ Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1903. Т. 75. С. 178.

на существующую столь серьезную конкуренцию, Ан. Ал. Титов приступил к возведению новой фабрики, которую предполагалось оснастить по последнему слову техники. Историк и редактор «Исторического вестника» (того самого журнала, которым в детстве зачитывался Саша Титов) Сергей Николаевич Шубинский, получив от Андрея Александровича известие о ростовском предпринимательском начинании, замечал в ответ: «Хотя я убеждаюсь, что цикорий никогда не вытеснит употребления чая и кофе, и что народ предпочтет пить под этим названием всякую подделку, тем не менее думаю, что цикорная фабрика есть предприятие практическое, и потому от души желаю вам полного успеха»¹¹⁴.

Созданная на паевой основе фирма стала выступать под маркой Товарищества ростовского цикорного производства «И. Вахромеев и К^о». Вложивший в создание фабрики большую часть средств И. А. Вахромеев практически не интересовался технической стороной дела. Забота об оснащении производства, его отлаженной работе и, в конечном счете, процветании полностью легла на плечи отца и сына Титовых. А роль гимназиста Александра Титова в устройстве фабрики, как выясняется из их переписки, оказалась столь существенной, что именно его и следовало бы, пожалуй, считать ее реальным руководителем. Впрочем, в 1904 году Титов-младший, уже будучи доктором философии, официально займет пост директора-распорядителя цикорной фабрики (к тому времени уже расширенной до сагового и паточного производства), функции которого до того исполнял номинально.

12 августа 1896 года Александр сообщал отцу на Нижегородскую ярмарку ростовские новости: «Сегодня едем в Петровское. Прилагаю тебе письмо Вас[илия] Алекс[андровича] (Горяченкова. — Я. С.), из которого ты узнаешь положение наших дел. Насчет завода узнаем хорошенько, произведем исследования почвы и высчитаем стоимость производства. Сейчас только получил письмо и книги из-за границы. Обе книги прекрасные. Подробности о цикории сообщу по прочтении. Заглавие такое: “Производство кофейного суррогата (т.е. цикория). Подробное описание приготовления этого кофея и его составных частей”, с 21 рисунком. 2-ое издание — химическо-техническая библиотека. Вот нашим дуракам ни за что не додуматься до таких изданий. Стоит всего 1 руб. Путеводитель Берлина тоже прекрасный — со многими планами»¹¹⁵. Невероятно, но факт: в бумагах ростовского купца сохранился даже счет на эти книги, полученные от лейпцигского книжного поставщика Титовых К. Гирземана. Выписанные из Германии новейшие издания имели названия — Lehmann, «Surrogat Kaffee», и путеводитель «Berlin» известной издательской фирмы «Baedeker»¹¹⁶.

¹¹⁴ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2031. Л. 38 (письмо от 20 июля 1896 г. из Петербурга на Нижегородскую ярмарку).

¹¹⁵ Там же. Д. 1756. Л. 33–33 об.

¹¹⁶ Там же. Д. 1921. Л. 20 (счет фирмы К. Гирземана от 3 (15) авг. 1896 г.). На документе имеется приписка рукой Ал. Титова: «Счет на книги из-за границы».

Собственно говоря, эти два, в общем-то, обычных документа хронологически зафиксировали начало нового этапа в биографии нашего героя. Тот самый «дальний прицел» Андрея Александровича Титова, когда-то отдавшего своего сына на выучку «к немцам», сработал. По собственному почину Александр активно включается в работу, и первое, что делает молодой образованный предприниматель, — переводит на русский язык немецкую книгу, погружаясь в специфику и детали обустройства цикорного производства по европейскому образцу. Наблюдая такую активность и заинтересованность сына в этом деле, отец предложил Александру войти в число пайщиков Товарищества, выделив ему определенное количество собственных паев. На это ответ младшего Титова был незамедлителен и однозначен: «Спасибо тебе, меня очень интересует завод и приятно будет принять участие»¹¹⁷.

Уже на следующий день, 29 августа, в Ростове состоялась закладка цикорной фабрики. И Александр Титов оказался, между прочим, единственным из главных организаторов производства при этом важном событии. «Сегодня была закладка, — сообщал он в письме к отцу. — Дяди Вани (И. А. Вахромеева. — Я. С.) не было, и были только семейство Стрижникова (Федора Федоровича с сыном Алексеем, — служащих Товарищества «И. Вахромеев и К^о». — Я. С.), Николай Малоземов и я. Служили о. Александр и о. Николай Чуфаровский. Было 4 иконы. Мы все положили 4 серебряных рубля в угол и заложили по кирпичу. Потом я еще разговаривал с Кругловым (Михаилом Владимировичем — служащим Товарищества «И. Вахромеев и К^о». — Я. С.). Дело он знает, по-видимому, хорошо. Теперь я знаю расположение завода, сделано недурно, и план хорош. С завода направился в магазин. Народу было очень много, и я был у кассы до 1-го часу. Торговали более 700 руб., — на 200 лучше прошлогоднего»¹¹⁸.

До отъезда ростовского «купца-предпринимателя» в гимназию оставалось всего несколько дней, и он, в отсутствие отца в городе, активно использовал это время для проверки семейной торговли и решения важных хозяйственных проблем, связанных со строительством завода. «Был я на стройке завода. Дела идут недурно, почти все забутили, хотя камень очень дорог — 30—40 р[ублей] сажень. План пришлют на днях. Что касается насчет локомотива, то у нас ведь все равно топка будет дровами. Потом, почему же нельзя приспособить нефть, раз на локомотивах тоже нефтяное отопление. [...] Главное, что стоит он много дешевле паровой машины, и хлопот меньше»¹¹⁹. 31 августа Александр вновь докладывал отцу: «Сегодня пишу в Германию в машинный завод спец[иально] для цикорной фабрики,

¹¹⁷ Там же. Д. 1756. Л. 37 (письмо от 28 авг. 1896 г. из Петровского на Нижегородскую ярмарку).

¹¹⁸ Там же. Л. 39—39 об. (письмо от 29 авг. 1896 г. из Ростова на Нижегородскую ярмарку).

¹¹⁹ Там же. Л. 43 (письмо без даты; очевидно, между 29 и 31 авг. 1896 г.).

чтоб выслали прејскурант»¹²⁰. Расчетливый, экономный, шагающий в ногу с техническим прогрессом, и подтягивающий в этом смысле за собой отца, — молодой предприниматель, казалось бы, только и был озабочен мыслями о новом бизнесе, сулящим прибыли и хорошую наживу. Все так, да не совсем... Буквально в те же дни в письмах Александра к отцу мелькнуло сообщение совершенно иного свойства: «Я занимаюсь чтением истории Тита Ливия на латинском языке. Это будет весьма полезно»¹²¹. Этот маленький штрих к портрету нашего героя довольно характерен. Он свидетельствует, наряду со многими другими известными и неизвестными нам фактами, о рождении настоящего предпринимателя-интеллектуала, черпающего свои разносторонние знания в мировом опыте культуры и науки.

Вернувшись 3 сентября — «верхом» — из Петровского, накануне отбытия в Москву, где Александра ожидал последний, выпускной, класс Петропавловского училища, он резюмировал в письме к Ан. Ал. Титову: «С именем я простился. Снял там 3 карточки с орудий. Теперь буду заниматься заводскими делами...»¹²².

И действительно, окунувшись в столице с головой в учение, Александр погрузился и в несвойственные обычному гимназисту хлопоты по оснащению целого завода. Он буквально летает по Москве (помните «велосипед первоклассной английской фабрики», — приобретенный именно в эти дни, он оказался весьма кстати) в поисках самого лучшего и выгодного по цене оборудования, консультируется с профессионалами в сфере машиностроения и электротехники, от имени Товарищества ростовского цикорного производства заключает договоры на поставку требуемых для производства технических агрегатов.

Вот, кстати, одно из характерных посланий-отчетов Александра Титова к отцу, сохранившихся от того насыщенного разнообразными заботами и делами осенне-зимнего сезона (от 14 сентября):

«По заводу дела следующие:

1) У Линдемана куплено разных мелких вещей на 100 руб. с лишним. Из них 1 домкрат, поменьше, я купил для Сизова (работник имения Петровское. — Я. С.); в счете он помечен отдельно, кажется, 13 руб. 75 коп. Ты это запиши в счет имения, а домкрат Сизову можно будет переслать.

2) У Дреземайера купил: блок, сверлильн[ый] станок и вентилятор, — все эти вещи придут наложенным платежом среди недели.

Корнерезку Фока купил и деньги 20 руб. уплатил, еще 1 фонарь 1 р[убль] 75 коп. Стоит дорого, но неважен, коптит, более покупать не стоит. У Бландова куплю в понедельник и велю послать, а то пошлю вместе с корнерезкой.

¹²⁰ Там же. Л. 42 (письмо от 31 авг. 1896 г.).

¹²¹ Там же. Л. 37 об. (письмо от 28 авг. 1896 г. из Петровского на Нижегородскую ярмарку).

¹²² Там же. Л. 45 об.—46 (письмо от 3 сент. 1896 г. из Ростова на Нижегородскую ярмарку).

Деньги с Лоскутной получу сегодня (имеется в виду оплата за сливочное масло, поставлявшееся Ан. Ал. Титовым в «Лоскутную» гостиницу.— Я. С.). Насчет запарочного аппарата был у «Работника»; придется выписать из Саксонии, стоит 175 руб. в Москве. [...]

Дела у меня масса: и уроки, и чтение, и поручения. Насчет немецких машин сообщу на этой неделе. [...] Скажи механику, чтоб он мне подробно написал: величину шестерен для передачи с главного вала к барабанам, количество обращения вала для барабанов и толщину его. Это нужно потому, что шестерни будут заказываться у Листа (на механическом заводе Торгового дома Г. И. Листа.— Я. С.), а я величину не знаю. Не забудь же это ему сказать. Пришлось мне еще раз быть у Листа. Завтра, может быть, удасться съездить в Петр[овско]-Разумовское.

Науки пока идут ничего. Задано сочинение: «Роль книгопечатания в жизни современного человечества»¹²³.

В конце сентября Александр впервые рассуждает о закупке сырья для завода: «Сообщи мне, пожалуйста, как насчет покупки цикория?»¹²⁴. В ответ на письмо Андрея Александровича, сообщившего сыну сведения об объеме произведенных закупок, он резонно замечает: «Ты мне пишешь, что купили цикория 60 тыс. Но вопрос, насколько эта цифра верна, может быть, еще только около 60 т[ысяч]. По моему расчету надо купить не менее 100 тыс., иначе завод будет стоять без товару, а это весьма может повредить делу. Кроме того, если мы успеем переработать только 80 т[ысяч], то накладные расходы будут также значительны, что возьмут весь барыш. Вообще нужно покупать энергично, иначе останемся в дураках»¹²⁵. Тогда же Александр занимался выбором в Москве типографии и печатанием упаковочных этикеток для готовой продукции ростовской цикорной фабрики (любопытно, что один из сортов жареного цикория, выпускавшийся Титовыми, назывался «Парижским»).

Наконец, в начале февраля 1897 года завод был пущен. Известие об этом Александра застало в столице, куда он вернулся после рождественских каникул. «Письма твои, а также цикорий и преискурант я получил, и благодарю тебя за присылку,— писал он отцу 10 февраля.— Все-таки я принимал не последнее участие в устройстве фабрики, и всякое известие меня интересует». А далее в письме последовал «вопрос», который дает нам дополнительную краску к психологическому портрету еще совсем юного, но уже, как убеждаемся, достаточно опытного и рачительного хозяина-коммерсанта. «Но вот какой вопрос: можем ли мы так дешево продавать, как теперь, не делая себе этим значительных убытков. Ты писал мне, что вы с преискур[анта] скинули 30 и 35 коп., следовательно, самый дешевый сорт бочечного продается по 1 р[ублю] 35 к[опеек]? А себе он стоит 1 р[убль] 38, или около того. Неужели же придется продавать в убыток?

¹²³ Там же. Л. 49–50 об. (письмо от 14 сент. из Москвы в Ростов).

¹²⁴ Там же. Л. 52 (почтовая карточка от 23 сент. 1896 г. из Москвы в Ростов).

¹²⁵ Там же. Л. 65 об. (письмо без даты; очевидно, начало ноября 1896 г.).

Я попросил бы тебя, чтоб мне хоть 1 раз в неделю доставляли сведения по вопросам, кот[орые] им предложу. Я Талицкому сам напишу, а ты ему, кроме того, скажи. Без этого я, приехавши, не могу быть в курсе дела, а если постоянно буду следить, то буду знать все дела»¹²⁶. Это желание Александра Титова, надо заметить, неукоснительно исполнялось и в последующем. Будучи студентом Московского университета, и даже живя за границей, когда учился в университетах Лейпцига и Берлина, он регулярно получал с фабрики «балансы» и отчеты, что позволяло ему постоянно находиться в курсе всех производственных проблем и следить за конъюнктурой рынка.

Продукция цикорной фабрики Товарищества «И. Вахромеев и К^о» широко расходилась по России, и ростовский «суррогатный кофе» пользовался большой популярностью. Даже изначальный скептицизм историка С. Н. Шубинского относительно этого гастрономического продукта был развеян. Дело в том, что Ан. Ал. Титов, и здесь проявляя широту своей купеческой натуры, всегда щедро одаривал своих друзей и знакомых продукцией, производимой в его хозяйстве: в разные уголки страны летели посылочки с жареным цикорием, житом, саго, сушеным горошком (нежнейшим и знаменитейшим!), выращенным и приготовленным в титовском имении. Благодарные получатели даров потом слали в Ростов восторженные отклики. «Не знаю, как благодарить вас за память и милости,— отвечал тот же Шубинский.— И, вообразите, цикорий пришел как раз в ту минуту, когда старый вышел весь, и жена намеревалась разведывать всюду, где бы могла достать вашего цикория, ибо признает его лучшим из всех. Любопытно, оценивается ли он также и публикой, и имеет ли хороший сбыт, которого вполне заслуживает»¹²⁷. И в другой раз: «Очень благодарю за присылку цикория и жита. Жена моя вполне оценила их качества и усердно их пропагандирует, раздавая пробы и указывая на магазин Шлякова (в Петербурге.— Я. С.). Все, кому она вручала пробы, дали одобрительный отзыв, и в круге нашего знакомства у вас есть клиенты»¹²⁸. Еще долгие годы Андрей Александрович Титов снабжал семью Шубинского ростовскими «милостями». Однажды растроганный Сергей Николаевич изобразил себя в дружеском шарже в пояс кланяющимся господином, со снятым с головы картузом, и произносящим слова: «Дай Бог, чтобы удача, сопровождающая все ваши предприятия, не только не изменялась, но усугублялась»¹²⁹.

Так, почти незаметно, в каждодневных хлопотах гимназиста Александра Титова о заводе и других домашних делах, подоспели выпускные экзамены в Петропавловском училище. В мае 1897 года ему предстояло выдержать 14 испытаний: «Начнутся 1-го и кончатся 28-го мая; аттестаты выдадут 31-го мая, т[ак] ч[то] на Троицын день я приеду свободным человеком»,— восклицал Александр своему отцу, предвкушая с некой молодецкой горячностью

¹²⁶ Там же. Д. 1757. Л. 3—3 об. (письмо от 10 февр. 1897 г. из Москвы в Ростов).

¹²⁷ Там же. Д. 2031. Л. 42 (письмо от 14 окт. 1898 г. из Петербурга в Ростов).

¹²⁸ Там же. Л. 45 (письмо от 28 июля 1899 г. из Петербурга в Ростов).

¹²⁹ Там же. Л. 84 (письмо от 3 дек. 1908 г. из Петербурга в Ростов).

вчерашнего гимназиста вольный воздух свободы¹³⁰. Несмотря на занятость фабричными делами и в самый разгар экзаменов (в один из таких дней он в сердцах проронил: «Эта проклятая фабрика положительно отнимает у меня все время. [...] Не знаю, успею ли подготовиться к истории...»¹³¹), Александр их выдержал блестяще. Преодолев большую часть экзаменационных испытаний, он писал отцу, сообщая об открывшейся возможности получения медали: «Пока все пятерки, так что серебряная обеспечена, если не выйдет какого казуса. Для золотой нужно получить две пятерки, а я еще, может, получу их четыре, т.е. круглую 5. Но это еще дело будущего»¹³².

И «будущее» не подводило... 20 мая Александр вновь сообщал Андрею Александровичу, описывая последние экзаменационные события в присутствии ему азартном духе: «Везет мне замечательно. Сегодня была история, и я даже хорошенько не успел подготовиться. Отвечал по русск[ой] ист[ории] монгольское иго, — знал отлично (даже поспорил с преподавателем). По римской истории досталась история права времен республики. Я прямо откалывал по латыни целые законы. И на другие вопросы отвечал отлично. Значит, — еще пятерка в аттестат»¹³³. Талантливый и чрезвычайно способный молодой человек, в итоге, доказал всем и себе, что он был и остался вплоть до окончания училища его лучшим учеником. Училищный совет и попечитель учебного округа подтвердили этот очевидный факт присуждением выпускнику немецкого Петропавловского училища Александру Титову золотой медали¹³⁴.

28 мая Александр, заглянув рано утром в «Лоскутную» гостиницу к отцу, который приехал в Москву отчасти по своим делам, но больше, чтобы первым поздравить сына с успешным окончанием гимназического курса, в последний раз отправился в училище на Покровку. Без особого труда «отколов» от глыбы гимназической науки последний экзаменационный предмет, он уже в 11 часов «свободным человеком» был на квартире Поповых, готовых все вместе отправиться на дачу. Ольга Тимофеевна пригласила Сашу провести несколько дней в их семейном кругу в подмосковном имении Чаново. Предложение приятного отдыха и дружеского времяпровождения на лоне красивейшей природы было тем более приятательным, так как буквально на днях в Москву из Риги вернулся друг Александра — Владимир Попов, который с сентября 1896 года являлся студентом Рижского политехнического института.

Осторожный Ан. Ал. Титов, получив от сына известие о приезде Владимира, должно быть, вновь обеспокоился за Александра, прекрасно

¹³⁰ Там же. Д. 1771. Л. 54—54 об. (письмо от 4 апр. 1897 г.).

¹³¹ Там же. Л. 10 (письмо без даты; очевидно, после 17 мая 1897 г.).

¹³² Там же. Д. 1757. Л. 13 (письмо от 17 мая 1897 г.).

¹³³ Там же. Л. 14 (почтовая карточка от 20 мая 1897 г.).

¹³⁴ Ал. Титов получил медаль 12 сентября 1897 г., о чем сообщал отцу из Москвы на следующий день: «Был вчера в Петроп[авловском] училище и получил медаль. Сделана довольно скверно, хотя золото хорошее и тяжелое» (Там же. Л. 29 об.).

зная о влиянии на него его закадычного друга. Как знать, каким «политическим» воздухом надыхался Владимир в своем вольном студенчестве, вдали от материнского присмотра? Деликатно, не желая задеть дружеских чувств сына, Андрей Александрович поведал ему совсем свежую историю о некоем «погибшем» студенте, очевидно, пострадавшем за свои политические убеждения. Об этой обеспокоенности мы узнаем из ответа Александра отцу, обращавшегося к нему в письме от 17 мая: «Ты пишешь относительно одного студента, мне очень жаль малого, погиб напрасно. Относительно меня не беспокойся. У меня выработана совершенно другая программа образа действий, которую я тебе как-нибудь изложу, и из которой увидишь, что в какую-нибудь политическую историю я не попаду»¹³⁵. И это были искренние слова молодого человека, желавшего посвятить себя труду, предпринимательству и науке. Он ощущал в себе для этой жизненной «программы» силы.

Вернувшись на коротких два месяца в Ростов, Александр окунулся в уже привычные для него домашние заботы и работу в обширном фамильном хозяйстве — в магазине, имении и на фабрике. Ему везде хотелось поспеть, во всем поучаствовать «вживую», проявить свою компетентность. Отцу не приходилось ни к чему понуждать сына, напротив, порою от младшего Титова исходила первая и весьма дельная инициатива, которая незамедлительно для общей пользы воплощалась в жизнь. И Андрей Александрович вознаграждал сына, ставшего ему надежным союзником и помощником во многих делах, большим доверием.

Почти сразу после возвращения Александра домой, 6 июня, отец и сын сыграли свадьбу старшей дочери и сестры — Варвары, выданной замуж за учителя математики ярославской гимназии Н. М. Соловьева. Андрей Александрович поддержал разумное предложение своего сына, настаивавшего на более ранних сроках проведения свадьбы, устраивавших всех, за исключением, правда, одной только Н. А. Титовой, отдавшей в это время предпочтение очередному заграничному вояжу. И, кстати, тот самый фотографический снимок, на котором в родительском саду запечатлены счастливые молодожены в окружении пестрой толпы родных и близких знакомых, почти наверняка был сделан молодым семейным фотографом — Александром Титовым¹³⁶.

Когда жизнь после свадебных торжеств вошла в свое привычное русло, и Андрей Александрович Титов уехал в Нижний Новгород торговать на ярмарку, то Александр в полном смысле заменил его в Ростове. Этого настоятельно требовали дела по заводу, связанные со сбытом цикорной

¹³⁵ Там же. Л. 13 об. (письмо от 17 мая 1897 г.).

¹³⁶ Публикуемый снимок хранится в фотоотделе ГАЯО (П-3 № 4394). На групповой фотографии вместе с молодоженами Варварой и Николаем Соловьевыми изображены, в частности, Ан. Ал. Титов с дочерьми Глафирой и Александрой, А. А. Гейденрейх, И. А. Вахромеев с супругой Елизаветой Семеновной, их дочь М. И. Курлова и сыновья — Александр и Семен, священник о. Николай Чуфаровский, И. А. Шляков и др.

продукции и установлением в различных губерниях России надежного комиссионерства. 25 июля Александр сообщал отцу: «Сегодня вечером отправляю Голодушкина (служащий Товарищества «И. Вахромеев и К^о». — Я. С.) на юго-восток. Сначала он проедет в Петербург, где сделается с Сажиным (комиссионер Товарищества «И. Вахромеев и К^о». — Я. С.) и обревизует склад. Затем проедет Харьков, Александровск (ныне — Запорожье. — Я. С.), Мелитополь, объедет всех покупателей в Крыму, — затем Ростов[-на-Дону], Таганрог и Поволжье. В Нижний он уже не попадет, т.к. проездит 1 1/2 месяца. Денег на дорогу ему выдано 200 руб.»¹³⁷. Географический размах предполагавшегося комиссионерства, заметим, устраиваемого 18-летним юношей, не может не впечатлять. Чуть ниже в письме Александр обещал Андрею Александровичу вскоре переслать список потенциальных покупателей цикория, которых тот мог бы отыскать на Нижегородской ярмарке¹³⁸. А в довершение последовало его личное обязательство: «В Варшаве зайду к Красинскому и к Мейеру, и что-нибудь там сделаю»¹³⁹. Речь здесь шла, конечно же, о цикорной сделке с польскими торговцами.

Мечта об этом путешествии у Александра Титова родилась давно. Но только сейчас, когда он стал вполне самостоятельным, как он говорил, «свободным человеком», оно оказалось возможным: позади остались годы учебы в немецком училище, впереди блестящего петропавловского выпускника ждал Московский университет, на который пал его выбор, одобренный отцом. Александр в совершенстве знал немецкий язык, любил и понимал немецкую культуру и литературу. Да, кстати, и путеводитель по Берлину от Бедекера, самой знаменитой немецкой издательской фирмы, выписанный из Лейпцига еще годом ранее, явился не досужей книжкой в руках любознательного Александра... В конце июля он отправился в свое первое заграничное путешествие — «к немцам», в Германию.

Компаньоном в этой увлекательнейшей поездке Александра стал, разумеется, его заветный друг Владимир Попов, который также прекрасно говорил по-немецки (хотя Саша иногда и писал за друга в гимназическую пору немецкие сочинения). Весь август друзья провели в путешествии по различным немецким провинциям и городам. В самом начале их длинного пути, после того, как миновали родную славянскую Варшаву («очень хороший город», — отметил в одном из писем Александр), лежал

¹³⁷ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1757. Л. 15—15 об. (письмо от 25 июля 1897 г. из Ростова на Нижегородскую ярмарку).

¹³⁸ Этот список Александр Титов сообщил отцу в письме от 2 августа из Варшавы: «Прилагаю список торговцев цикория, которые бывают на Нижегородской яр[арке], и с которыми бы можно завести дело. Хорошо бы было поговорить с Борисовым, не наймет ли он какого-нибудь комиссионера для продажи цикория этим лицам, или нам от себя нанять такого комиссионера? Торговцы саратовские и астраханские вполне кредитоспособны. Торговцы из Тифлиса и Баку рекомендованы Ваагом. Отмеченные крестом вполне кредитоспособны и известны» (Там же. Л. 68—68 об.).

¹³⁹ Там же. Л. 16 (письмо от 25 июля 1897 г. из Ростова на Нижегородскую ярмарку).

Берлин. Здесь молодые люди задержались на целых пять дней. Знакомясь с современной жизнью и достопримечательностями германской столицы, друзья посещали всевозможные музеи и галереи, трижды побывали в театрах. Именно в этом городе, между прочим, произошла неожиданная и удивительная встреча Александра со своим бывшим гимназическим учителем Э. К. Валицким: «Иду по Фридрихштрассе в театр и, вдруг, навстречу — Валицкий с супругой. Я, разумеется, подошел к нему, — он очень обрадовался, и [мы] проболтали с ним минут десять. Он проехался по Швейцарии и в этот вечер уезжал домой. Звал меня как-нибудь к себе — “непрременно, — говорит, — заходите”»¹⁴⁰. Сделавшему акцент на последней фразе в письме к отцу, Александру Титову, без пяти минут студенту университета, безусловно, немало льстило такое почтительное отношение его бывшего преподавателя, «дуэли» с которым у школьной доски запомнились ему на всю жизнь. Впрочем, Саша был благодарен Валицкому за науку («науку жизни» в том числе), и он, безусловно, оставался одним из самых любимых его учителей.

Из Берлина друзья направились в город искусств — Дрезден. «Поезд 175 верст прошел в 3 часа, и совсем не трясет», — заметил Александр отцу, явно сравнивая свои ощущения пассажира, часто курсирующего по железной дороге между Ростовом и Москвой¹⁴¹. В Лейпциге, который стал следующим пунктом остановки путешественников, Александр смог впервые лично познакомиться с книгопродавцем Карлом Гирзманом, заглянув к нему в букинистический магазин и приобретя некоторые интересные для него книги. Далее друзья, пересекая с востока на запад практически всю страну, устремились в один из крупнейших торговых и промышленных городов Германии — Франкфурт-на-Майне. Обосновавшись здесь на некоторое время, они совершали однодневные вылазки в близлежащие знаменитые города — Майнц и Гейдельберг. В старинном Майнце, известном своей средневековой крепостью и величественным собором X века, они совершили парходную экскурсию по Рейну, обозревая его живописные берега. Гейдельберг — столица герцогства Баден, — один из красивейших немецких городов, лежащий у начала широкой Рейнской равнины, молодых людей привлек, прежде всего, своим знаменитым университетом. Основанный еще в XIV столетии, древнейший университет Германии славился во всем мире, немало и русских студентов постигало в его стенах науки. Мог ли Александр Титов тогда предполагать, что уже совсем скоро, через год, ему вновь доведется вернуться сюда, где будет проходить стажировку у всемирно известных профессоров...

Достигнув 20 августа Кельна, Александр сообщал Ан. Ал. Титову: «Теперь мы уже совершили большую половину нашего путешествия. Осталось осмотреть Кельн и некоторые части Берлина, а также его окрестности. Здесь, в прирейнских городах, везде прекрасные музеи римских

¹⁴⁰ Там же. Л. 20 об. (письмо от 6 авг. 1897 г. из Дрездена на Нижегородскую ярмарку).

¹⁴¹ Там же. Л. 21.

древностей из раскопок и курганов»¹⁴². Спустя неделю друзья планировали быть уже в Москве.

Во время путешествия по Германии произошла еще одна знаменательная для Александра встреча. По пути из Лейпцига во Франкфурт он сделал остановку в небольшом саксонском городке — Готе. Отсюда происходила и сюда же вернулась из России его любимая гувернантка Вильгельмина Христиановна Кергель (то, что именно здесь в 1875 году родилась Социал-демократическая партия Германии, так это к содержанию нашего историко-документального повествования ровным счетом никакого отношения не имеет). Она научила когда-то маленького Сашу говорить по-немецки, читала ему на своем родном языке сказки и частенько угощала собственной выпечки слобным калачом. Мина не чаяла в Саше души, и он любил свою простодушную старушку-гувернантку и был ей благодарен.

Так распорядилась судьба, что в том августе Мина Христиановна дважды оказалась очастливленной встречами с семейством Титовых, ставшим для нее за долгие годы жизни в их ростовском доме почти родней. Надежда Александровна Титова, уже с мая пребывавшая на отдыхе в Висбадене, 3 августа уведомила мужа: «Если буду здорова, пятое выедем из Висбадена, седьмое из Берлина, в субботу вечером будем в Москве, где пробудем дня два или три. Мина Крестьяновна приехала к нам в среду вечером, завтра уезжает, она в восторге, что я ее пригласила. Вчера мы сделали небольшую прогулку по Рейну, и Мина Крестьяновна была в неопisanном восторге, крепко меня благодарила за удовольствие»¹⁴³.

Появление в Готе Саши Титова явилось для пожилой немки событием, перед которым, пожалуй, меркло первое «удовольствие». С ним были связаны ее самые сердечные воспоминания о России. Ведь именно она готовила Сашу к поступлению в немецкое училище, переживала за него на вступительных экзаменах и горько вместе с ним плакала, когда тот схватил от пруссака тройку за диктант. А ныне ее очам предстал прекрасный юноша — умный, образованный, и все такой же подвижный и никогда не унывающий. Теперь это был настоящий господин, да к тому же студент университета.

Еще долго Мина Христиановна, живя воспоминаниями об этой чудесной встрече, собиралась написать Андрею Александровичу, чтобы поблагодарить его за такого замечательного сына и возможность этого свидания. Много времени утекло с тех пор, как она покинула Россию, русские слова стали забываться, все труднее ей было писать и выражать свои мысли на чужом языке. Конечно, могла бы написать по-немецки, и Саша или девочки с легкостью перевели бы письмо отцу, да только ей хотелось сделать приятное Андрею Александровичу, обращаясь к нему на русском языке. И она решилась-таки, авось разберет и все поймет... Вот

¹⁴² Там же. Л. 22–22 об. (письмо от 20 авг. 1897 г. из Кельна на Нижегородскую ярмарку).

¹⁴³ Там же. Д. 1793. Л. 46.

и мы оставляем это удивительное письмо таким, каким в марте 1898 года его прочел Ан. Ал. Титов. Прочтем вслед за ним это трогательное послание и улыбнемся, вспоминая добрую саксонскую немку – ростовскую гувернантку Мину Христиановну Кергель:

«Сертечна благодарю Вас для таво, Вы Саша ко мя атпускала прошлего лета. Как я обрадовилась, сказать не могу! Что за славно Юноша, и могу себя представлять, как Вы с своим сынком обрадовайтесь, какой он стал образовен, умен и красивым Человек, дак все на него хочется смотреть, и я имею полшая надежда на него, пусть Вам ище большая ратость с ним. Дай Бог ему всегда старовия, и желай Вам ище много и палашай ратость с ним. Настолько жаль пыл мне с ним проститься, я долгое время крустил и скучал об нем. Ничего могла мне во время жизнь моя в Россия болша обратовыца, как Саша, насколько он имел капризев, насколько он пыл добра и интересный малчик. Наше сутба не харашо, перва друдна привыкашь, как привык, подом надо простить. Очень даволна я астался летом свиданием с Надежда Александровна в Висбаден, и желаю, она опять приехал...»¹⁴⁴.

27 августа, в день своего 19-летия, Александр Титов вернулся из поездки по Германии в Москву. Назавтра он благодарил Ан. Ал. Титова в письме на Нижегородскую ярмарку: «Спасибо тебе за удовольствие, которое ты мне доставил путешествием. Я многому там научился и недаром провел время...»¹⁴⁵. В тот же день он вновь отправился в университет, где уже побывал проездом из Ростова за границу и записался в студенты естественного отделения физико-математического факультета. 28 августа представившись инспектору, Александр получил специальный вид на жительство в столице. Отныне он являлся студентом Императорского Московского университета.

¹⁴⁴ Там же. Д. 894. Л. 13 об.–14 (письмо от 2 марта 1898 г. из Готы в Ростов).

¹⁴⁵ Там же. Д. 1757. Л. 25 об.–26.

Ил. 1. Гимназист Александр Титов. Фото. Начало 1890-х гг.

Ил. 2. Семья И. А. Вахромеева на даче в Исадах. Фото. 1890-е гг. ГАЯО

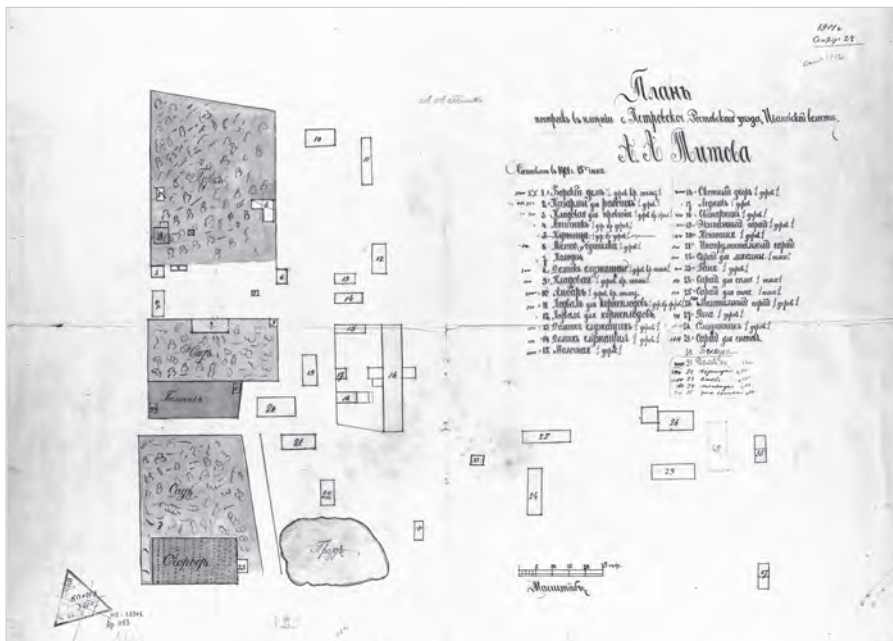
Ил. 3. Гостиница «Лоскутная». Москва. Фото. 1880-е гг.

Ил. 4. Гостиница «Боярский двор». Москва. Фото. Начало XX в.

Ил. 5. Петровская экономия Ан. Ал. Титова. Бланк для писем, фрагмент. 1890-е гг. ГАЯО

Ил. 6. План построек в имении с. Петровское Ростовского уезда Ивановской волости А.А. Титова. 1901 г. ГМЗРК

Ил. 7. Товарищество «И. Вахромеев и К^о». Бланк для писем, фрагмент. Конец XIX в. ГАЯО

Ил. 8–9. Прейскурант цикорной продукции «И. Вахромеев и К^о» и этикетка «Парижского цикория» производства Товарищества. Начало XX в.

Ил. 10. Магазин Торгового дома «А. Титов и Ф. Малоземов». Ростов. Фото. Конец XIX в. ГМЗРК

Ил. 11. Свадьба Варвары Андреевны и Николая Михайловича Соловьевых. Ростов. Фото. 6 июня 1897 г. ГАЯО